

НАМ УЖЕ НЕ БОЛЬНО

Записки
из
БУНКЕРА

Наташа Эвс

Наташа Эвс

Записки из бункера

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56100670

SelfPub; 2024

Аннотация

Выпускники детского дома Дмитрий Рыжов и Елизавета Белова получают приглашение на работу вахтовым методом. Ребята радостно собираются, наконец-то их ждёт взрослая жизнь, когда они смогут воплотить в реальность свои сиротские мечты. Собеседование пройдено, вещи собраны. И автомобиль увозит доверчивых детдомовцев далеко за город. Дима и Лиза попадают к людям, которые преследуют благие намерения. Это группа единомышленников, выбравшая особое благо. Но спустя несколько часов ребята понимают, что попали в страшное место, где работают люди с нулевой эмпатией и откуда живым еще никто не выходил. «Меньше вопросов – меньше синяков. Сговорчивым тут больше везет. Запомните: вести себя тихо – это половина успеха на выживание».

Содержание

Пролог	4
Глава первая	5
Глава вторая	11
Глава третья	20
Глава четвертая	29
Глава пятая	41
Глава шестая	54
Глава седьмая	71
Глава восьмая	80
Глава девятая	92
Глава десятая	107
Глава одиннадцатая	123
Глава двенадцатая	129
Эпилог	138

Наташа Эвс

Записки из бункера

Пролог

Привет. Если вы читаете это, значит, мы уже дома. И нам уже не больно.

Да. Именно так я начинал в своих записках, надеясь, что скоро нас найдут. Но такого поворота я точно не ожидал. И как странно обернулись для нас мои же слова...

Да, мы дома. И нам не больно. Но послушайте, всему есть объяснение. А есть ли объяснение тому, что мы пережили? Расскажу все по порядку, а вы сами решите.

Глава первая

Мы детдомовские дети, я – Дмитрий и моя однокашница Елизавета. Мы прицепились друг к другу лет с шести, если не раньше. Прицепились – в хорошем смысле, потому что я всегда хотел иметь сестру, а Лиза – брата. И вот как-то так сложилось, мы встретили друг друга.

В нашем детском доме жили разные дети: брошенки – это когда родители сами отказались, лишенники – когда опека забрала у семьи, и сироты – когда нет ни мамы, ни папы в живых. Вот мы с Лизой из последней категории.

Было тоскливо, когда к кому-нибудь из наших приезжала мама, которой дали время на исправление. Мы смотрели, как мама обнимала, целовала и вытаскивала из сумки сладости, поглаживая по голове свое чадо. Конечно, мы не напрямую стояли и смотрели, мы подглядывали с разных сторон, желая хотя бы визуально украсть кусочек этого счастья, которое нам с Лизаветой понять уже было сложно.

Мы были друг у друга как будто всегда. Как кровные, как близнецы, как «сиамские», если хотите. И да, мы не ангелы, ссорились между собой, обижались. Но мы никогда не меняли друг друга на кого-то из группы.

Лиза та еще пацанка, мне сложно определить степень ее привлекательности, потому что для меня она сестра. Худенькая сероглазая блондинка, в обиду себя не даст, отвергает

все девчачье, считая это уделом слабости. Но волосы отрасли длинные – как девчонка! Меня она часто называла «Митяй» и трепала мои светлые волосы, такие же цветом, как у нее. Да, мы, наверное, похожи. Ну, как обычная родня. Только Лиза, как она выражалась, разговаривала с моим пупком, потому что я выше этой пацанки в два раза.

По законам жанра выпускники детского дома в свое восемнадцатилетие получают большой пинок в большую жизнь. Государство выделяет жилплощадь, и вперед, брат, живи и радуйся. Но это в идеале. А нам, как известно, до идеалов далеко.

В общем, вышли мы с Лизой в большую жизнь, только оперившись и имея за спинами среднее специальное образование – штукатур-маляр. Вместо жилья мы получили небольшие денежные конвертики на жили-были. Это ведь почти равносильная радость, правда? Так посчитали за нас. Ну да ладно, нам не привыкать, лобстеров на обед не кушали.

Вместе с нами вышли еще Аленка, Рая и Славик, наши друзья по детскому дому. И вот – здравствуй, взрослая жизнь! Как часто мы кричали в сердцах и просто мечтали, что наступит тот день, когда мы выйдем из этой детской тюрьмы и заживем по-своему. Вышли. А жить по-своему почему-то не получается. Жилья нет, работы нет, что делать – не знаем. Где-то я читал, что так же выходят из мест не столь отдаленных после длительной отсидки и тоже не знают как жить. Дезориентация какая-то.

Промучившись некоторое время, мы с ребятами решили снять жилье. Жилье это громко сказано, просто большую комнату в коммуналке. Заплатили за месяц и стали жить «по-своему».

Вначале было даже интересно, как взрослые люди живем сами. Иногда Славик приносил алкоголь, и тогда было весело. Но деньги имеют обыкновение кончаться. И наши общие запасы заметно опустели. Нужно было искать работу, что мы и затеяли. По вечерам на столе вырастала куча отрывных объявлений и исчерканных ручкой газет. Нам катастрофически не везло, ответы были отрицательными. Причины разные: уже взяли, без опыта не берем, возраст мал, лицом не вышли. Уж не знаю, зачем в нашей профессии важно выйти лицом, но тем не менее так и было. Не помню, кто из нас предложил самим расклеить объявления о поиске работы, но мы с Лизкой за это зацепились.

За сутки прилежных стараний половина города была взята на ура. Мы даже воспряли духом, очень хотелось устроиться на работу. Но шли дни, а мы по-прежнему оставались в стадии ожидания. Ребята, порой, перебивались разовыми выплатами за труд, потому что гулять они любили на широкую ногу, и деньги у них всегда были на исходе. Мы с Лизой алкоголь не пили, деньги экономили, но и наши кошельки пустели.

- Хорошо, хоть телефоны успели купить, – заметила Лиза.
- А толку с них, – печально отозвался я. – Молчат. Что за

телефоны, которые молчат...

В этот момент мобильный Елизаветы зазвонил. Мы замерли, но я тут же ткнул свою напарницу в бок.

– Слушаю, – ответила Лиза. – Да, здравствуйте... Да...
Еще нет...

После нескольких секунд глаза моей детдомовской сестры стали так раскрываться, что я даже подумал, не больно ли ей.

– Да, записываю. – Лиза лихорадочно схватила ручку и что-то бегло записала на обрывке оторванного объявления. Отключив звонок, она с победной радостью посмотрела на меня. – Митька! Нас пригласили на собеседование!

Я чуть не поперхнулся собственной слюной.

– На собеседование? А куда?

Тупой вопрос, какая разница – куда. Я побегу.

– Вот адрес, – Лиза ткнула в клочок с объявлением. – Завтра в девять утра. Нужны штукатуры-маляры, можно без опыта. Это шанс!

Всю ночь я смотрел в потолок, проходя собеседование в своей голове. Действительно, шанс. Неужели скоро мы сможем зажить нормальной жизнью. Будем зарабатывать деньги, одеваться, покупать из еды то, что хотим, а не то, на что хватило. Сеструха выйдет замуж, родятся дети, а я буду крестным. Может, и я женюсь, кто знает. Пока нам нужно встать на ноги.

Утром около девяти мы топтались у дверей назначенного адреса. Было еще закрыто. Но ровно в девять к нам вы-

шел крепкий мужчина в черном пиджаке и позвал нас кивком головы. Мы поднялись по лестнице и вошли в кабинет, где за столом сидел наш работодатель – почти лысый мужчина за пятьдесят. Он предложил присесть и попросил паспорт. Внимательно изучив наши документы, Николай, как он представился, начал задавать вопросы. Тема была о нашей жизни в детском доме, есть ли родители, с кем поддерживаем связь. Мы рассказали, что жить нам негде, и предпочтительно работа с проживанием, как мы указали в объявлении. О самой работе заговорили в конце. Николай объяснил, что у них вахтовый метод с выездом за город. Там строятся складские помещения под городские проекты, и эти постройки они сдают «под ключ». Сейчас объекты в стадии отделки, требуются штукатурные работы. Но мало кто хочет выезжать на вахту долгосрочного проекта, поэтому они ищут рабочих, способных на такие выезды. Проживание, питание за счет фирмы, оплата раз в две недели налом либо на карту, трудовой договор прилагается. Нас все устраивало, работодателя тоже, и наш выезд наметился на следующий день в восемь утра.

Вышли мы с Лизкой счастливые и окрыленные перспективами будущей жизни. Даже обнялись от радости. Собирать нам было нечего, мы прикупили на последние деньги теплых вещей для работы в холодных помещениях, что-то там по мелочи и приготовились ждать утра. Нашим ребятам не очень понравилась затея с вахтой, они поморщили носы, поржали

над нами, представляя, как мы приезжаем оттуда как «робинзоны Крузы», на этом и закончили.

Я волновался всю ночь. Когда город гасит свет и стихает – все обостряется, а мысли похожи на растущий микроб. Вроде бы чего мне переживать, я на шаг ближе к мечте – жить как все люди. В детском доме к социуму не приучен, выходишь словно дикий по современным меркам, дикий и смешной на вид. Ты другой. И я всегда хотел стать нормальным человеком, не отличаться от тех, кто ходит по тротуарам или сидит в кафе. Какая ерунда, скажете вы. И будете правы. Это сущая ерунда для мира. Чтобы хотеть этого нужно прожить в моей шкуре с самого рождения или в шкуре любого другого детдомовца.

Утром мы стояли у назначенного места. За нами приехал невзрачный на вид серебристый минивэн с лопнувшим бампером и легким для памяти номером шестьсот шесть. Мы загрузились и тронулись в путь. В новую жизнь. Вперед к мечте!

Хоть бы кто-нибудь шепнул мне в то утро: немедленно развернись и беги оттуда.

Глава вторая

Наш автомобиль летел по трассе, будто не касался колесами дороги. В салоне негромко звучала веселая музыка. Лиза дергала плечами в такт и смотрела за окно, хотя картина там была уже полчаса одна: желтеющая осенняя степь, голая и безжизненная. Напротив меня сидел парень, он как-то сконфуженно зажался, глядя в пол. По виду бедняга страдал синдромом Дауна.

– Ты тоже на работу? – спросил я.

Парень засуетился, заволновался, отрицательно мотая головой. За него ответил человек, который нас сопровождал, развернувшись к нам с переднего кресла и свесив локоть:

– Нет, это мой младший брат. За ним сегодня некому смотреть, поэтому он со мной.

При этих словах странный парень украдкой глянул на меня и еще больше зажался, низко опустив голову.

Дорога была долгой и даже утомительной. Я не ожидал, что место работы находится на таком расстоянии. Как по ходу поездки узнал, это около трехсот километров от города.

Лиза дремала, прижав голову к моему плечу, а я смотрел в окно. Уже долгое время пейзаж не менялся: степь бесконечная и тоскливая. Под монотонный гул я и сам стал отключаться, но тут машина сбавила ход и свернула на проселок. Еще какое-то время пришлось трястись по бездорожью,

и наконец вдалеке появились низкие сооружения.

Когда мы подъехали, сосед напротив занервничал, начал стряхивать с колен невидимый мусор и отрицательно качать головой. Сойдя на землю, я стал разминать затекшие ноги и оглядывать окрестность. Пока водитель вытаскивал какие-то тюки и бидоны из багажника, к нам навстречу вышли несколько человек и взялись переносить все это в одноэтажное здание. Я вынул рюкзак Лизы, и мы направились за ними. Сопровождающий нас ткнул в спину поникшего брата, указывая ему последовать со всеми, но тот почему-то отрицательно махал головой и продолжал стряхивать с себя невидимое. В конце концов все потянулись к открытому входу здания, и мы попали внутрь.

Через проходную нас повели вглубь по коридору и оставили в кабинете. Пришлось ждать, потому что все были заняты прибывшими с нашей машиной бидонами и тюками. Через открытую дверь кабинета я видел, как люди сновали по коридору, перетаскивая вещи, и вообще в помещении стоял шум. Нам эти действия были непонятны, мы просто ждали, когда кто-то нужный обратит на нас внимание.

Склонив голову на рюкзак, который я оставил на столе, Лиза копалась в телефоне.

– Плохо ловит, – заметила она.

Я пожал плечом:

– Мы далеко от дома, наверное, связь разрывается.

Наконец в кабинет вошел сопровождавший нас мужчина

и махнул рукой. Мы снова куда-то пошли, плутая по коридорам. Оставив нас в другом кабинете, мужчина сказал ждать и удалился.

Я посмотрел на Лизу и спросил:

– Устала?

– Угу, – отозвалась она. – Скорее бы нам показали наши комнаты, может, поесть что-нибудь дадут.

В этот момент в кабинет вошел человек, мужчина лет шестидесяти, худой и бледный. Он сел напротив нас за стол и улыбнулся:

– Здравствуйте. Наконец-то до вас добрались, пока товар разобрали. Вы устали с дороги?

Лиза кивнула:

– Покушать хочется.

– О, конечно! – спохватился мужчина. – Сейчас все оформим и сразу решим вопрос с едой. Мне нужны ваши паспорта и документы, которые с вами, я сделаю копии для договоров, чтобы сразу все оформить. – Мужчина вынул носовой платок и промокнул им лоб. – И займемся вашим расположением.

Мы отдали документы и снова стали ждать. Сейчас вспоминаю это и думаю, почему тогда мое сердце ни разу не екнуло? Можно было свалить по-тихому, пусть нас ожидала бесконечная степь, это так микроскопически неважно по сравнению с тем, что нам предстояло в этих стенах. А я, дурак, сидел и пытался заплести длинные волосы Лизы.

Прошло время, и дверь в кабинет распахнулась. Мы вздрогнули, увидев человека, который забрал наши паспорта, а с ним двоих здоровых качков.

– Сейчас вы встаете и идете, куда вас поведут, – спокойно сказал бледный мужчина. – Без лишних вопросов.

Мы с Лизой переглянулись. Трое ждали, пришлось подняться и последовать за ними.

Мы шли молча. Какое-то нагнетающее чувство тревоги я тогда испытал первый раз. Поймав тонкую руку Лизы, я крепко сжал ее, заметив, что моя сестра идет, нахмурившись и втянув голову в плечи. Она всегда так делала в детском доме, когда ее наказывали.

Нас вели и вели, и мне казалось, эта дорога была вечностью. Как же я ошибался тогда. Вечность наступила чуть позже.

Мы много спускались по лестницам, и я понял, что нас ведут в помещения под землей, потому что на поверхности было от силы три совсем неприметных одноэтажных здания.

Когда мы добрались до места, к нам вышел человек в белом халате, он бегло осмотрел нас, взял кровь и направил в отсек за стеной. Там располагался душ, нам приказали помыться и надеть чистую одежду, которую выдали.

Душевая была сплошной комнатой, без дверей, без перегородок, ржавая и грязная. Увидев это, Лиза долго смотрела на меня, и я бы многое отдал, чтобы такой взгляд больше не видеть никогда.

На нас прикрикнули, и мы начали раздеваться. Вода была холодной, пол скользким, а запах мерзким. Лиза мылась и плакала. Я не смотрел на нее, мне было стыдно. Зато в проеме дверей на нас смотрели двое, надменно и безразлично. Они ждали нас, чтобы вести дальше. Они были на работе.

После душа нас повели еще ниже. Лизу колотило, и я накрыл ее плечи своими руками, чтобы хоть чуточку согреть. Хотя новая одежда была похожа на больничную пижаму с длинным рукавом, было холодно еще от душа. И вообще, было просто холодно. В моей душе.

Нас завели в новую комнату, похожую на тюремную камеру из фильмов. Окон в стенах не было, конечно, мы на несколько метров ниже земли. Освещение давали тусклые лампочки, торчащие то тут, то там.

Вдруг замок щелкнул, и железная дверь отворилась, впуская знакомого человека, который забрал наши паспорта. Он встал перед нами, вынул платок и протер свой лоб.

– Когда нам отдадут документы? – спросил я, предугадывая ответ. Но что-то же нужно было сказать, а не вести себя, словно безмолвные овцы, головы которых опускают на бревно для рубки мяса, а они безропотно терпят. – Наши паспорта, вещи, – уточнил я.

– Забудьте, – отрезал мужчина. – Меньше вопросов – меньше синяков. Сговорчивым тут больше везет. Так, запомните: вести себя тихо – это половина успеха на выживание. Меня зовут дядя Веня, пока побудьте здесь, подождем

экспресс анализ, – отчеканил бледный мужчина и вышел за дверь.

После долгого молчания Лиза спросила:

– Мить, нас убьют, да?

– Дуреха, кому мы нужны, – ответил я, стараясь быть убедительным, и погладил ее по голове. Почему-то в этот миг вспомнилось наше детство, как нас обижали, а мы защищали друг друга. Сейчас я был согласен на самое тяжелое наказание в детском доме, только чтобы выйти отсюда и никогда не видеть этих стен и лиц. Я чувствовал, что мы попали в плохую историю, вряд ли нас привезли штукатурить.

Когда дверь снова открылась, вошли двое качков и опять повели нас куда-то. Мы пришли в ту зону, где у нас брали кровь и заставляли мыться, только теперь завели в два разных кабинета. Меня осматривали люди в белых халатах и масках, говоря что-то про карантин. Такое ощущение, что я попал на полный медосмотр, залезли везде, куда можно, взяли мазки, дополнительно кровь с вены, соскобы с кожи, слюну, проверили зрение, измерили вдоль и поперек. Я молчал. Что можно сделать против этих людей? Я ничего не знал о месте, куда мы приехали, об их планах, что они делают с нами, зачем? Почему нас обманули? Разве это прием на работу? Хотя я вырос в детском доме, все же не тупой. Я слышал, как меня называли «слабый тип А» и «астеник», обращаясь со мной как кухарка с тушкой утки на разделочном столе. Я начал переживать за Елизавету, она ведь девочка, как там с

ней обращаются.

Когда со мной закончили, я с конвоиром вышел за дверь, где остался ждать. Прошло довольно много времени, после которого из соседнего кабинета вывели Лизу. Всклипнув, она кинулась ко мне и спрятала лицо в моей больничной пижаме. Я пытался оторвать сестренку от себя, но так и не смог. В голове начало расти подозрение, что ей что-то сделали, и от этих мыслей мне стало противно, я представил, что будь в моей руке сейчас пистолет, без сожаления расстрелял бы всех, даже мускул бы не дрогнул.

Мы еще постояли так, пока из кабинета не вышел человек в белом халате, он отдал конвоирам две папки и велел вести нас в корпус «К». По дороге я пытался заглянуть в опущенное лицо Лизы, но она не хотела, чтобы я ее видел. Опустив подбородок на грудь, сестра крепко держала меня за руку и устало плелась следом.

Я уже потерял счет подземным этажам, нас водили из одного корпуса в другой, и в этот раз мы шли в новое место. Все коридоры имели один болотно-землистый цвет, редкие лампочки давали мало света, стены и решетки были выкрашены в темно-зеленый, потолки, когда-то побеленные, выглядели как потертая ржавчина. Места удручающие. Для чего это все, кто эти люди, зачем они собирают у нас анализы? Я не мог приложить ума к своим вопросам, но понимал, что так просто нас отсюда не выпустят.

Вдруг раздался пронзительный крик. Мы с Лизой вздрог-

нули и вскинули головы, только наша охрана была невозмутима. Нас завели в длинный коридор, по сторонам которого размещались комнаты за решетками, как камеры в тюрьмах. Проходя мимо одной, я увидел худого изможденного мужчину, который апатично смотрел на нас, сидя на кровати. В следующей комнате была грязная лохматая женщина, она стояла у решеток, держась руками за прутья, и улыбалась, обнажая гнилые зубы. Из соседнего помещения снова раздался душераздирающий крик, там, привязанный за руки и ноги к железной кровати, извивался человек. Наш охранник стукнул дубинкой по его решеткам, и бедняга затих.

Мы завернули за угол, прошли еще метров двести и остановились перед такими же камерами с решетками. Когда меня втолкнули в одну из них, я заволновался: почему только меня, но Лизу завели в соседнюю. Проводив охрану взглядом, я подбежал к решеткам, разделяющим наши камеры, и сжал протянутые руки Лизы.

– Они обижали тебя? – спросил я, видя испуг в глазах сестры.

Она помотала головой, словно пряча боль глубоко в себе, и шепнула:

– Чего они хотят от нас? Куда мы попали, Митя?

– Если бы я знал... Мы что-нибудь придумаем, обязательно.

– Обещаешь?

– Обещаю. Только не хандрить, договорились?

– Да. Только не хандрить.

Глава третья

Мы просидели сутки в корпусе «К». Наконец послышался шум и грохот посуды – нам везли еду. Из-за угла показалась тележка с кастрюлями, которую вез человек в поварском фартуке, а рядом с ним шел еще один, в котором я узнал того странного парня, что ехал с нами на минивэне. Он всю дорогу сидел, опустив голову, а потом стал скидывать что-то невидимое с одежды. Сопровождавший нас сказал, что это его брат.

Тележка остановилась у наших дверей.

– Кормушки открой, – скомандовал человек в фартуке, но странный парень вытращился на нас и застыл. – Иван! – рявкнул повар.

Иван вздрогнул и оглянулся на него. Человек в фартуке повторил на языке жестов свое указание и начал выкладывать в алюминиевые чашки что-то из кастрюль. Затем он отдал все это Ивану, а тот поставил еду в открытые окошки в дверях. Закончив, повар покатил тележку обратно, оглядываясь на своего помощника, который закрыл наши кормушки на засовы и побрел за ним.

– Помнишь его? – спросил я, подсаживаясь с чашкой еды к разделяющей решетке.

Лиза пожала плечами, уплетая гречку.

– Кто он?

– Он ехал с нами с города сюда. Хотя ты полдороги смотрела в окно, а потом спала, можешь и не помнить.

– Есть хочется, – сказала Лиза, жадно отправляя полную ложку гречки в рот.

– Ешь, конечно.

Я задумался, размышляя, что в этих стенах делает такой особенный человек. Пока было понятно, что люди здесь разделяются на медиков и охрану, и еще есть какие-то руководящие. Деятельность здесь, скорее, противозаконная, судя по тому, что нас привезли сюда обманным путем, под видом работодателей, и все эти анализы, крепкая охрана и тюремные помещения спрятаны глубоко под землей не просто так.

– Как холодно. – Лиза поежилась, обхватив колени руками. – Сколько мы тут уже сидим...

Вдруг в конце коридора показался человек, он несмело подкрался к нашим камерам и остановился поодаль. Я узнал в нем странного Ивана. Парень встал, словно вкопанный, глядя на нас так, как маленький ребенок в зоопарке смотрит на огромную гориллу.

– Что ему надо? – спросила Лиза, подвинувшись к решетке между нами.

– Не знаю еще. – Я внимательно оглядел стоящего по ту сторону. – О нем я тебе и говорил.

Какое-то время мы молчали, но Лиза не выдержала:

– Вы за тарелками пришли?

Иван не реагировал, продолжая смотреть на нас пустым и

задумчивым взглядом.

– Кажется, он не говорит, – вполголоса предположил я. – Повар с ним жестами общался.

– Мить, ты же знаешь этот язык, – Лиза посмотрела на меня, – поговори с ним.

– «Тебя зовут Иван?» – спросил я.

Парень оживился и кивнул.

– «Что ты делаешь в этом месте?»

– «Делаю, что скажут», – ответил Иван.

– «Зачем нас сюда привезли, знаешь?»

Парень хотел было ответить, но тут с другого конца коридора слышались шаги.

– Кто его сюда пустил? – возмущился голос.

На свет лампочки вышли люди во главе с дядей Веней, Ивана грубо увели, а остальные вошли в наши камеры одновременно. Не обращая на нас внимания, медики открыли папки, и один из них сказал:

– Елизавета – штамм, группа 1(0), Дмитрий – анти-штамм, группа А(II).

– Ну, и что будем решать? – спросил дядя Веня.

– Елизавета подойдет. С анти-штаммом можно работать по третьему протоколу, – отозвался медик.

– Отлично, – дядя Веня потер руки, – завтра же начинайте.

Мы просидели у разделяющей решетки почти всю ночь.

Под утро сон свалил нас, и мы очнулись, продолжая держаться за руки, будто предчувствовали скорую разлуку.

В коридоре раздались шаги, и мое сердце почему-то резко сжалось, словно мне дали кулаком под дых. К нашим дверям подошли два медика и охрана, половина людей вошли в камеру Лизы, и медик противным голосом объявил, что ей нужно пройти с ними. Мы оставались сидеть по обе стороны решетки, держась за руки сквозь прутья, делая вид, что не слышим. Как лабораторная крыса застывает в дальнем углу клетки, когда за ней приходят. Человек в белом халате указал охране на нас, и те двинулись к Лизавете. Ее начали отдира́ть от меня, как примерзший язык от железа, и видеть это было невыносимо. Молчаливая возня продолжалась минуты две, затем Лиза сдалась. Она отошла от решетки и посмотрела на меня тем своим тяжелым взглядом, который я не раз видел в детском доме. Она словно укоряла: «Зачем ты отдаешь им меня?» Мои челюсти сжались от беспомощности, я бы никогда никому не отдал свою мелкую сестру, но в данной ситуации я был заперт в клетке. Буквально заперт в клетке.

Врач махнул рукой, и охрана распахнула двери. Лиза отвела от меня свой каменный взгляд, втянула голову в плечи и, нахмурившись, направилась к выходу.

Меня тоже вывели из заключения и поместили в другую камеру корпуса «А». Там последовали новые сборы анализов, затем мне сделали укол, после которого я потерял созна-

ние. Меня приводили в чувства и делали новые инъекции, врачи фиксировали все мои состояния, записывая историю в папки. Я вообще не мог понять, что происходит, меня рвало, ломало и выворачивало так, что если бы мне тогда предложили смерть, я бы, не задумываясь, согласился.

Через время, результаты моих анализов заставили врачей остановиться и дать мне перерыв. Когда я пришел в себя, вспомнил о Лизе и тут же пожелал, чтобы на ее долю не выпали такие испытания, потому что это трудно вынести. Помню, лежал тогда на грязном полу, мучаясь от тошноты, и пытался понять, за что нам все это, как нас угораздило вляпаться в такую страшную историю.

Спустя какое-то время, за стеной появился странный Иван, он снова ходил с раздачей еды. Улучив момент, я спросил его о Лизе. Ваня сказал, что видел ее в другом корпусе. И еще он сказал, что на Лизу там кричат. Я понимал, почему такое может быть, ведь я знал свою сестру с детства, она упертая. Видимо, Лиза показывала характер. Боже, как я по ней скучал.

Однажды я склонился над чашкой еды, в которую вдруг упал пучок волос. Я даже не сразу понял, что это мои волосы, пока не потрогал макушку. И когда еще один пучок волос остался в руке – понял, что лысею. Я сказал об этом врачу, который заходил ко мне каждый день, но тот отмахнулся, буркнув, что вырастут новые.

Такое бывает от гормонального нарушения или после хи-

миотерапии, я читал об этом в книгах. В детском доме меня часто наказывали, а моя воспитательница, жалея меня, отправляла отбывать наказание либо в ее кабинете, либо в библиотеке. Я оказывался в книжной вселенной, где с жадностью погружался во все источники информации, что попадались под руку, в виде художественной и научной литературы. Так вот, из медицинских учебников я узнал то состояние, в котором пребывал сейчас. Но зачем эти люди делают с нами такие вещи? Что за цель они преследуют? Хотели бы убить, уже убили бы.

Мой счет времени сбился. Трудно было сказать, сколько я нахожусь в камере. Когда делали уколы, я терял сознание, может, проходили дни, кто знает.

Как же вырваться из этого ада? Нас никто не ищет, мы ведь уехали на заработки, без адреса, без определения. Ловко придумано заманить нас, сирот, под видом вахты на долгий срок. Мы просто исчезли, нас нет. Поэтому работодатель Николай так тщательно расспрашивал о нашей жизни, о родителях, о друзьях. Будут ли нас искать в случае исчезновения. Страховался. Но искать нас действительно некому. Я бы искал Лизу, а она искала бы меня, но мы оба здесь, вот и все. Наши вещи с сотовыми телефонами забрали, отрезали от мира.

Есть ли у нас выход? Где-то читал, что выхода всегда как минимум два, в нашем случае это бежать или остаться. Выбираю первый, пока еще есть силы.

В какой-то из дней меня вывели из камеры, и я пошел «гулять» в другой корпус. Длинные тусклые коридоры с ржавыми потолками и темно-зелеными стенами были моей свободой. В каком-то корпусе кричали люди, через решетки мелькали разные лица, в основном изможденные с безразличным взглядом, всюду стоял запах плесени и мочи. Моя прогулка закончилась в кабинетах, похожих на диагностические. Меня снова всего измерили, засунули шланг через рот в желудок, больно там что-то отщипнули, затем я разделся и лег на стол в позе эмбриона, как оказалось, для пункции из спинного мозга. Я терпел боль, вынашивая мысль о побеге, мне нужно было что-то придумать и забрать сестру из этого адского места. Когда меня посадили на стул и натянули тугую шапку с проводами на голову, я потерял последние волосы. По проводам что-то пустили, и у меня начались судороги, от которых мои ноги стали бить по шкафу, и от этого со стены упало зеркало. Стекла разлетелись вдребезги на кафельном полу. Охранник стукнул меня по лицу, но это заметил вошедший дядя Веня, который погрозил ему пальцем со словами:

– Еще раз увижу – накажу. Не смей портить материал.

– Ваш астеник с плохой генетикой, – сказал врач, который снимал показания с шапки с проводами. – Слабый, не знаю, на что он годен.

– По протоколу все закончили? – спросил дядя Веня.

– Еще нет, – ответил медик и бегло пролистал мою папку.

– Вот и занимайтесь прямыми обязанностями, – отрезал дядя Веня и вышел за дверь.

Мне кинули пижаму, которую я по слабости не удержал, и она упала на пол прямо возле разбитого зеркала. Поднимая вещи, я незаметно прихватил осколок и завернул его под рукав.

Меня снова повели в камеру. По дороге через открытую дверь одного из медицинских кабинетов я вдруг увидел Лизу, она сидела на стуле, пока ей снимали датчики с рук. Заметив меня, Лиза вырвалась и кинулась в открытую дверь, а я ей навстречу. Тонкие руки сестры вцепились в меня мертвой хваткой, мы так крепко обнялись, будто хотели смешаться друг с другом, как два разных цвета на палитре. Конечно, охрана среагировала быстро, и нас буквально разодрали в разные стороны. Лиза повиновалась и, нахмутив брови, побрела в кабинет. Воспитанные в детском доме, мы не умели истерить, просто либо пытались нарушить правила, либо молча выносили наказание.

Меня привели в камеру и оставили одного. Я спрятал осколок за ножкой кровати и упал на пол: очень болела спина в районе пункции, и вообще было муторно. Через время я почувствовал, что меня трясут, и открыл глаза. Передо мной склонилось несколько человек, среди которых был дядя Веня, он покачал головой и скомандовал:

– Принесите еды, стол номер один. И трое суток на каран-

тин.

Когда меня перекладывали на кровать, я заметил, как бледный дядя Веня покачнулся в сторону, схватившись за руку охранника.

– Вениамин Романович! – выкрикнул стоящий рядом врач. – Вам пора под систему.

Дядя Веня кивнул и промокнул платком стекшую из носа кровь. Он посмотрел на меня и повторил приказ о еде и карантине, затем все вышли из камеры, оставив меня в какой-то оглушающей тишине.

Глава четвертая

Услышав шаги, я открыл глаза. К решетке моей камеры подвезли тележку с едой, повар наполнил тарелки из разных бидонов и поставил все в открытое окошко, ожидая, когда я заберу обед. Держась за спину и пошатываясь, я побрел к «кормушке», взял тарелки и понес к столу, если можно так назвать железную подставку, торчащую из стены. Повар захлопнул дверцу и удалился.

Вареный кусок говядины после пустых супов меня не особо обрадовал. Я думал о Лизе, как ее там кормят, не бьют ли, какие опыты проводят. Как же вырваться отсюда, что же придумать... Иначе мы загнемся от всех процедур и условий.

Сделав глоток кефира, я заметил крадущуюся тень вдоль решеток. Это был Иван, он остановился поодаль и стал смотреть на меня. Этот парень являлся единственной ниточкой, связывающей с внешним миром.

Превозмогая боль во всем теле, я поднялся и медленно приблизился к решетке, заговорив с Ваней на понятном ему языке. Язык жестов я выучил еще до детского дома, когда был совсем маленьким и жил с бабушкой, которая от слабого слуха и нечеткой речи общалась жестами. Мои мама и папа в этом плане были здоровы, но были больны зеленым змием и большой тягой к наркотическим средствам. В таких состояниях родители зачали меня и родили, а затем друг за другом

умерли от передоза. Бабушка, больная сахарным диабетом, долго тоже не протянула. Мне было тогда почти четыре года, в дом малютки я уже опоздал, поэтому меня повезли в детский дом.

Общение с Иваном в этот раз складывалось хорошо. Он спросил, где мои волосы и сказал, что ему меня очень жалко. В разговоре о Лизе я узнал, что ее содержат лучше меня, но она все время с хмурыми бровями, плохо ест и постоянно лежит, глядя в стену. Моя сестра показывала характер, я-то знал. Эта девчонка легко объявит бойкот всему миру и прибавит голодовку. Вот с кем я пошел бы в разведку. Еще я узнал, что в этих стенах делают страшные вещи, но какие – понять не успел, потому что Ваня вдруг спохватился и убежал по коридору за угол. Через некоторое время раздались шаги, и в мою камеру вошел врач с двумя охранниками. Медик любезно опросил меня о состоянии, снял несколько показаний и удалился. Так продолжалось три дня. Меня хорошо кормили, никуда не забирали и ничему не подвергали, видимо, это и был тот трехдневный карантин, о котором говорил дядя Веня.

После трех дней покоя за мной снова пришли. Меня осматривали в медицинском блоке, брали анализы, о чем-то шептались по моему поводу. Я стал догадываться, что медики от меня не в восторге, со мной постоянно было что-то не так, но на врачей давили сверху, требуя результат, который те и пытались выжать из меня.

Шли дни, меня продолжали испытывать на выживание, подвергая странным и тяжелым процедурам. Я даже не знал, что такое можно сотворить с организмом человека. Наверное, слово «испытание» здесь уместно применить от понятия «пытка» буквально.

Как-то мой путь проходил мимо стены, на которой висело зеркало. Я увидел напротив очень худого, изможденного парня без волос, с желтой кожей и впалыми как у мертвеца глазами. Он безразлично смотрел на меня, а я на него. Я бы не узнал себя, если бы охранник с сарказмом не намекнул на мой ступор перед зеркалом. Мой внешний вид приблизился к виду тех, кого я встречал за решетками. Надеюсь, с Лизой такого не происходит.

Однажды я очнулся от очередных процедур и, глядя на ржавый потолок, подумал, что не знаю какой сейчас месяц, осень еще или уже зима, что происходит в мире... Как все эти пытки переживает моя сестра? Я не видел ее, кажется, сто лет. Она такая мелкая, косточки тонкие, вся хрупкая, неужели у этих людей поднимутся руки, чтобы ее мучить. Но, несмотря на внешнюю слабость, у этой девчонки стальной характер, что может не понравиться властям этих стен. С самого нашего знакомства в детстве, мы с Лизой не расставались, и теперь без нее я чувствовал себя так, словно мне отрезали руку.

Из размышлений меня вырвал грохочущий звук замка на двери камеры. Вошел медик, за ним охранник. Теперь ко мне

не входила толпа здоровых мужиков в униформе, потому что для того, в кого я превратился, и одного было много. Врач заставил меня раздеться, осмотрел мою кожу и собрался что-то спросить, как вдруг где-то в конце коридора раздались крики с приказом для всех медиков срочно прибыть в лабораторию. Мои гости второпях выскочили, захлопнув дверь камеры, и умчались на крики.

Я долго смотрел на выход, потому что привык к звуку замка, когда его закрывают, а сейчас щелчок был другим. Мысли вихрем понеслись вперед, и я направился к двери. Оказавшись у решеток, поглядел по сторонам коридора и тихонько надавил на ручку. Сердце мое замерло, когда дверь поддалась и отворилась. Я стоял и смотрел на пространство без прутьев и не знал, что мне делать. Было страшно. Словно выдрессированное животное, у которого есть установка: за ограду выходить нельзя. Наконец, решившись, я осторожно выглянул из камеры и шагнул вперед.

Сначала я передвигался, прислушиваясь ко всем звукам, но скоро привык и пошел смелее. От глотка внезапной свободы мое сердце отбивало бешеный ритм, я не верил сам себе.

За углом моего коридора располагался ряд камер, а стена напротив была сплошная. В одной из камер лежал худой бледный мужчина, впрочем, как и все здесь, который оживился, увидев меня без сопровождения. Пытаясь подняться, незнакомец еле слышно спросил:

– Ты один?

Я кивнул, озираясь по сторонам, и приблизился к решетке. Мужчине наконец удалось подняться, он подошел ко мне и прошептал:

– Беги отсюда, парень. Беги из этого ада. За всех нас, за тех, кто отсюда никогда уже не выйдет.

– Вы давно здесь? Знаете, что это за место? – спросил я.

– Давно, – мой собеседник тяжело сглотнул и покачал головой, – раз в десять дольше, чем ты здесь. Я видел, когда тебя привели.

– Я попал сюда с сестрой, но они обманули нас...

– Вы ехали на работу, – с горечью констатировал мужчина.

– Да. Вас тоже обманули?

– Сюда иначе не заманишь.

– Чем тут занимаются? Вы что-нибудь знаете об этом?

Мужчина печально закивал.

– Здесь проводят страшные опыты над людьми. Есть группа больных во главе с Вениамином Романовичем, для них ищут лекарства. Моя Олюшка отдала им себя...

Я стоял шокированный этой информацией и смотрел, как мой бедный собеседник сползает к полу, сотрясаясь от беззвучного плача. Его тонкие, костлявые пальцы со сломанными ногтями съезжали вниз по прутьям решетки.

– Это ваша жена? – прошептал я. – Она тоже была здесь?

– Да, – еле слышно ответил мужчина, вытирая слезы дро-

жащей рукой. – Моя Олюшка... Нас привезли сюда вместе. На работу. Она оказалась слабее. Теперь я один...

– Простите, – мне стало неловко, – я не хотел причинять вам боль.

– Если можешь – беги. Здесь только могила. Вот в той стороне можно выбраться из нашего корпуса, а там как повезет.

Я направился дальше по коридору. Мне хотелось найти Лизу, но как это сделать, я не знал. Здесь столько корпусов, столько лестниц, кабинетов, разве реально что-то найти.

Пробираясь вдоль стен, я поглядывал наверх, боясь увидеть глазки видеокамер. Такое часто показывали в фильмах, и мне не хотелось, чтобы побег обнаружился.

Вдруг на мое плечо опустилась рука, заставив меня вздрогнуть. Я застыл на секунду и оглянулся, увидев Ивана, парень вопросительно смотрел на меня. Выдохнув, я развернулся, пытаясь улыбаться и делать вид, что все хорошо. Ваня спросил, куда я иду, я ответил, что не могу найти Лизу, и мой друг согласился отвести меня к ней. По дороге, задавая наводящие вопросы, я раскрывал все больше подробностей. Иван, хоть и страдал синдромом Дауна, но в некоторых сферах был неожиданно умен, объясняя все по-детски, но с большой точностью. Он поведал мне, что в этих стенах проводятся клинические исследования новых лекарственных препаратов, потому что, как я понял, делать это на платной основе на добровольцах затратно и долго. Еще здесь тестируют запрещенные виды лекарств, исследуя онкологи-

ческую и психиатрическую стороны. И, как я уже узнал, существует группа больных, но богатых людей, под руководством дяди Вени, которая ищет новейшие препараты, способные вылечить или продлить жизнь членам этой группы. Испытания запрещенные и секретные, и проводятся они на биологических моделях – людях. Иногда, если модель подходит, из нее делают какие-то вытяжки для поддержания состояния членов преступного союза. Я спросил у Вани, попадал ли он на такие процедуры, он ответил, что не подходит им, потому что его ген сломан, его уже проверяли в детстве.

«Проверяли в детстве»... Ивану на вид больше двадцати пяти, сколько же лет существует этот ад? Как много людей пострадали в этих стенах? И если они существуют до сих пор, значит, их еще никто не раскрывал.

Мы завернули в какой-то отсек, камеры здесь были чище и светлее, чем в моем корпусе, как если выйти из хозяйственной комнаты нашего детского дома и войти в комнату отдыха директора. Пропустив несколько дверей, мы подошли к решетке, за которой я увидел сестру. Иван указал на нее и отошел назад. Лиза лежала на кровати лицом к стене и ковыряла облупившуюся краску. Через мгновение она обернулась и, широко раскрыв глаза, бросилась ко мне.

Я плакал, обнимая хрупкое тело сестры через решетку. Мне захотелось оказаться сейчас очень далеко, неважно где, лишь бы не здесь. Вот исполнилось мое желание: я не в камере, нашел Лизу, а что дальше делать, ума не приложу. Каж-

дый шаг может стать ошибочным и даже последним.

Отстранив сестру от себя, я увидел ее серьезное лицо с печатью страданий и скрытого страха. Лиза протянула сквозь прутья тонкую руку и вытерла мои слезы с подбородка.

– Митя, где твои волосы?

Я постарался улыбнуться.

– Вырастут новые.

– Тебя отпустили? – Лиза тоже попыталась улыбнуться.

– Нет. Так получилось, я пришел за тобой.

Иван внимательно смотрел на нас, на наши переплетенные через решетку руки, будто до этих пор никогда не видел таких эмоций.

Уловив его взгляд, я спросил:

– «Как уйти отсюда? Чтобы никто не заметил».

– «Без разрешения?» – растерялся Иван.

– «Да. Нам с Лизой очень нужно домой, но нас не хотят отпускать, делают больно».

– «Без разрешения не отпускают... Но там, где хранят овощи, можно подняться и выйти. Еще за корпусом «А» есть старый выход. Но он завален досками, я там был». – Иван почесал ладонями щеки и шмыгнул носом.

– «Ты тоже хотел убежать?»

– «Нет, мне нельзя убежать. Я просто лазил везде и нашел этот выход».

– «Почему тебе нельзя убежать?»

– «Я не смогу сам жить. Я же больной».

Меня обескуражил искренний ответ Ивана. С минуту я смотрел в его не по возрасту детское лицо, но спохватился, услышав стук железных дверей где-то далеко в корпuse.

– «Ты знаешь, как открыть этот замок?» – Я указал на железный механизм камеры Лизы.

– «Да. Надо принести ключи».

– «Сможешь это сделать? Только быстро?» – с надеждой спросил я.

Иван кивнул и помчался по коридору.

– Мне страшно, – прошептала Лиза, сжимая мои ладони. – Вдруг нас поймают...

– Мы должны пытаться, иначе скоро я вообще не буду на это способен, чисто физически.

– Какая картина! – раздался знакомый голос.

Мы вздрогнули и увидели идущего дядю Веню с группой охраны. У меня замерло сердце, это был конец. Конец моей надежде и мечтам. Хотя, какие там мечты, они обычно про будущее, а его у меня нет. Теперь нет.

Меня схватили и начали тянуть, потому что мы с Лизой продолжали крепко держаться через прутья. Я упорствовал до того момента, как получил удар деревянной дубиной по рукам. Рефлекс разжимания сработал, и мое тело поволокли прочь.

Я был готов к другим ударам, к наказанию, ведь мой побег так просто не опустят. Но меня притащили в мою камеру и бросили на пол, захлопнув дверь с другой стороны. Какое-то

время я смотрел в потолок, лежа на полу, и боялся пошевелиться. Я думал о том, что если Иван принесет ключи и отдаст Лизе, она сможет выбраться, и ей повезет. Но если Ваня сам рассказал о нашем замысле, мою бедную сестренку могут наказать. Из-за меня.

Сколько времени я пролежал на полу, не знаю, но вдруг дверь отворилась, и вошел дядя Веня с двумя охранниками. Он заставил меня перебраться на кровать, встал передо мной и спросил:

– Ты, вероятно, удивлен, что за твой поступок не последовало наказания? Я поясню. Твоя реакция убежать – естественна. Самосохранение это нормально. Так что работаем в прежнем режиме.

– Вы работаете в одностороннем порядке, – ответил я, поглядывая на дубинки в мускулистых руках охранников. – Мы на это не подписывались.

– Я знаю, – спокойно ответил дядя Веня. – Но вы здесь. И теперь работают наши условия.

– Вы не боитесь заниматься такими вещами? Это же преступления.

– Все относительно, мой друг, – дядя Веня вынул из кармана платок и пропитал им пот на лбу, – все относительно. Мир так устроен, одни отдают – другие потребляют. Мне предлагают тебя утилизировать, но я жалею и продолжаю искать твои плюсы. Елизавета ценный материал, вот где мне повезло... – Мужчина вдруг резко побледнел и замолчал,

схватившись за виски.

– Вениамин Романович! – Охранники подхватили его со спины. – Пора, пойдете.

Дядя Веня достал из нагрудного кармана пузырек, вынул из него капсулу и закинул ее в рот, после чего все трое вышли из камеры, оставив меня в ужасном душевном состоянии.

Елизавета ценный материал? Что это значит? Меня утилизировать? Мы же живые люди! Живые! Боже мой... Как такое адское место может существовать много лет? Здесь столько людей, неужели их не ищут, неужели никто не сбегал отсюда? Я наконец вышел в самостоятельную жизнь, было столько планов. Воспитатели говорили, что я очень начитанный, любознательный, а как же, я ведь с пользой проводил свои «наказания» в библиотеке. Мне было интересно все. Я как одержимый читал, глотал научную литературу, энциклопедии, пособия, газеты – все без разбора. Надеялся, мне пригодятся мои знания в жизни. Мечтал выучить английский язык. Написать книгу. Мечтал стать крестным у детей Лизы. А теперь мечтаю о малом: выбраться с сестрой на поверхность и бежать, бежать, чтобы спастись. Неужели я для этого родился? Все детство и юность жил надеждой, что скоро моя жизнь изменится к лучшему. Я твердо решил, что не буду пробовать наркотики, увлекаться алкоголем и совершать преступления. Мне хотелось жить как все обычные люди, возможно, достичь в чем-то успеха, иметь друзей и крепкую семью. А теперь я здесь. Где я ошибся? Почему

все пошло не так? За что?

Я понял, что мой генофонд не подходит для использования меня в лабораторных исследованиях. Больные и неблагополучные в трех поколениях не оставили шанса на хорошие физические данные моему молодому организму. Другое дело у Елизаветы. Вроде там все были здоровыми, просто трагические случаи постигали эту семью один за другим. Бабушка с дедушкой давно перебрались жить в США, где в одном из штатов погибли от нашествия мощного торнадо. Другие дедушка с бабушкой были старыми и проводили свои дни под присмотром сиделок. Отец Лизы однажды торопился домой из командировки к семейному празднику, его машина заглохла на железнодорожных путях как раз тогда, когда по ним мчался товарный состав. Мать высохла с горя и через несколько месяцев ушла за супругом. Лизе было около пяти, когда она попала в мою группу, и мы быстро сблизились с ней. От нас не скрывали нашего прошлого, так что мы были хорошо осведомлены, потому что, порой, по сто раз спрашивали, что нас привело в стены детского дома. Усыновление тоже прошло мимо. Не сказать, чтобы мы таких перемен хотели, больше боялись, но где-то внутри маленькая мечта на светлое будущее все-таки жила.

И вот, пройдя все это, мы оказались в такой страшной ситуации. Не для нее же мы родились и выжили. Нет. Обязательно нужно выбраться отсюда. Я же головастый, как говорит моя сестра, что-нибудь придумаю.

Глава пятая

В камере сложно понять, какая часть дня сейчас идет. Я угадывал все по режиму питания и отбою. Ночь для нас начиналась с ударов дубинками по решеткам и приглушенному свету в коридорах, а утро – с усилением света и беготни медиков и охраны. Как бы больнично-тюремное расписание.

Я посчитал, что прошло несколько дней после моего побега, но мне ничего не известно о Лизавете. Что там было дальше, когда меня утащили в мой корпус. Я очень переживал.

Однажды за решетками появился Иван. Он как обычно встал у противоположной стены и начал смотреть на меня. Я обрадовался и торопливо подошел к металлической ограде.

– «Ты один?» – спросил я.

– «Один», – кивнул Ваня.

– «Это ты рассказал про нас с Лизой тогда? Помнишь, ты обещал принести ключи?»

– «Я не рассказывал никому».

– «Ты убежал, и пришел дядя Веня. Он отвел меня сюда снова, теперь мы с Лизой опять закрыты».

Иван ничего не ответил, продолжая смотреть. Определить его взгляд было невозможно, так смотрит маленький ребенок, познавая мир.

Я подошел вплотную к решеткам и протянул руки. Ваня

проследил мои движения и шагнул навстречу. Нерешительно подав свои ладони, мой странный друг изменился в лице, коснувшись моих пальцев. Будто ему открылось что-то новое, неизвестное до этого. Никогда еще я не видел эмоций на лице Ивана, а теперь мне казалось, что он и плачет и радуется одновременно. Даже страшно стало от того, что человек так реагирует на обычное дружеское прикосновение.

Отпустив его руки, я спросил:

– «Ты правда никому не рассказал о том, что мы с Лизой хотели уйти?»

– «Нет, не рассказал».

– «А ключи ты достал?»

– «Да. Но меня поймали и наказали. Мне нельзя без разрешения ничего делать».

– «Наказали? Как наказали?»

– «Били по рукам».

Я ужаснулся:

– «Били?! Прости, это из-за меня, прости... Больно было?»

– «Да. Тебя тоже били?» – вдруг спросил Иван, глянув на синяки, оставшиеся от дубинки, когда меня поймали у камеры Лизаветы.

– «Били. Но это ничего, я все равно хочу уйти. А ты знаешь, как там Лиза?»

– «Знаю. Она чем-то заболела, ей плохо. Они не могут помочь».

У меня потемнело в глазах. Как это заболела... Держись, сестренка, нам еще предстоит длинный путь из этих стен. Только не хандрить.

– «Ваня, передай Лизе от меня слово "не хандрить", ты можешь?»

– «Могу. А она поймет меня?»

– «Да, ты прав, она не поймет. Что же делать... А, вот, принеси карандаш и кусочек бумаги, я напишу, а ты ей передашь».

– «Мне нельзя брать карандаш, он острый».

– «Понял. А бумагу можно?»

– «Да».

– «Тогда принеси, пожалуйста. Только смотри, чтобы никто этого не видел, а то снова накажут».

Иван кивнул и скрылся за углом коридора.

Я прильнул к решеткам, глядя в сторону поворота. Сколько времени прошло, не знаю, но вдруг появились охранники. Они шли медленно, разговаривая о чем-то, и так увлеклись, что не заметили, как остановились напротив моей камеры. Я замер, когда увидел Ивана, вынырнувшего из-за угла. Охранники замолчали, наблюдая, как Ваня засуетился при них. Он прошел мимо моей камеры, отрешенно глядя перед собой, и исчез в другом конце коридора.

Когда я остался один, снова прижался к решетке, выглядывая своего друга. Я переживал за парня, ведь ему приходилось обманывать и изворачиваться, да еще получать за это.

Господи! Я учил врать чистого наивного ребенка, принимал побои сам и подставлял его. Прости, добрый человечек...

Через время Иван снова появился. Он протянул мне влажный скомканный лист бумаги и даже улыбнулся.

– «Спасибо тебе, друг!» – сказал я.

Ваня стоял и смотрел своим открытым взглядом, покусывая нижнюю губу.

– «Я сейчас напишу, а ты отнесешь Лизе, хорошо?»

– «Да».

– «Тебя не поймали в этот раз?»

– «Нет, я спрятался».

– «Молодец, это хорошо, что не поймали. Сейчас тоже старайся, чтобы никто не видел, как ты передаешь Лизе эту записку».

Я стал оглядываться, в поисках того, чем написать, и не нашел ничего кроме грязи на полу. В детском доме нас раз в неделю заставляли «генералить» свои комнаты, и техничка всегда выговаривала, что грязнее всего у плинтусов и в углах, потому что там никто не трет. Плюнув на плинтус, я повозил там пальцем, радуясь собравшейся черноте, и написал на бумаге «не хандрить». Снова смяв лист, отдал Ивану со словами:

– «Передай Лизе в руки. Только ей, больше никому. Если поймают, скажи, что записку нашел, но лучше пусть не поймают. Ладно?»

Иван кивнул и снова исчез за углом коридора.

Потекло томительное время ожидания. Кажется, прошла вечность, но на самом деле – несколько дней. Я не видел Ваню и ничего не знал о своей сестре.

Однажды меня повели через корпус Лизы, я так обрадовался, ожидая увидеть ее хоть на несколько секунд, но камера была пуста. Видимо, ее тоже куда-то повели. Душегубы.

Время шло, вестей я не получал. Волновался. И вот в один из однообразно текущих дней пришел Иван. Он рассказал, что Лизы в камере нет, поэтому записку он еще не передал.

– «Как нет? Может, ее просто водят к медикам, но потом же приводят обратно», – предположил я.

– «Я ходил много раз, ее все время нет».

– «Что это значит? Что могло произойти...»

– «Она болеет. Ее водили за руки, я видел».

– «Может, Лизу перевели куда-нибудь? Не пропала же она».

– «Я ее нигде не видел». – Иван задумчиво смотрел перед собой, словно я его ругаю.

– «Записку ты носишь с собой?»

– «Нет. Я спрятал ее там, где выход завален».

– «Хорошо. Спасибо тебе. Как узнаешь что-либо о ней, любую новость, расскажешь мне, ладно?»

– «Ладно».

– «Ваня, ты никому не рассказываешь о наших встречах?»

– «Никому».

– «И не надо. Пусть никто не знает об этом».

Когда мой друг ушел, я опустил на пол, отгоняя от себя страшные мысли, возникающие на фоне последних новостей. Нет. Ее просто где-то держат, может, перевели куда-то. Просто так надо. Так бывает здесь. Мы еще встретимся. Мы еще увидимся... Мы еще...

– Эй, долговязый, подъем! – скомандовал голос.

Я очнулся и поднялся с пола, не понимая, как не услышал вошедших людей. В моей камере стоял охранник и женщина в белом халате, которую я видел впервые. Она проводила со мной какие-то психологические тесты, показывала разные карточки с фигурами, заполняла с моих слов анкеты. Улучив момент, я спросил о Лизе, описывая ее и объясняя ситуацию. Но женщина на все мои вопросы отрицательно качала головой, тем самым вызвав во мне бурю негодования.

– Да что вы за люди такие! – закричал я, вскакивая с кровати. – Я просто переживаю за свою сестру! Можно ведь сказать, что с ней, жива ли, болеет? Я много прошу?

– Сел! – рявкнул накаченный охранник, угрожающе нависнув передо мной.

Я выдохнул и вернулся на место. Наблюдая, как доктор складывает карточки в папку, чтобы уйти, я не выдержал и кинулся к ней, вцепившись в ее локоть с криками:

– Прошу вас! Пожалуйста! Помогите мне узнать о Лизе! Вы же женщина!

Резкий удар по рукам заставил меня отскочить в сторону, новый удар свалил на пол, затем удары посыпались по всему

телу. Я закрылся, защищая голову, но это было недолго, потому что гости покинули мою камеру, так же незаметно, как и появились.

Приглушенный свет менялся на яркий много раз. Значит, прошло несколько дней. За это время я видел Ивана только однажды, и узнал, что Лизы нигде нет. До сих пор. В голове все чаще возникал тот бледный мужчина, что рассказывал про свою Олюшку, которая не выдержала. Нет... Этого не может быть.

Мне стала настолько безразлична жизнь, что я часто ложился на пол и смотрел на клубочки пыли, которые покачивались от моего дыхания. Я не знал, что мне делать, как жить дальше, да и надо ли.

В какой-то из дней, лежа на полу, я увидел осколок зеркала, что принес и спрятал за ножкой кровати, и у меня созрел план.

Однажды меня повели на процедуры, о которых было известно заранее. Я заложил осколок в обувь и вышел из камеры вместе с охранником, когда он пришел за мной. Пока мы шли по коридорам, меня всего лихорадило от волнения, я не знал как и когда себя проявить, чтобы это было не зря.

По пути в лабораторию в моей голове возникло множество вариантов, но какой сработает, определить было трудно. Я тщетно заглядывал во все клетки и комнаты, желая увидеть Лизу, и хоть путь был неблизким, а мы прошли два этажа и три корпуса, не удалось ничего узнать. Обычно меня

утомляли долгие походы по корпусу или этажам, но в этот раз я радовался бесконечным коридорам, двигаясь по ним в большой надежде. Только результатов не было, что очень расстроило.

Наконец охранник подвел меня к двери и впихнул внутрь, сдав пост медикам-лаборантам.

Надо мной снова стали проводить разные медицинские фокусы, вкалывая какую-то жидкость и проверяя мои реакции на аппаратах. От инъекций становилось муторно: то картинка перед глазами плыла снизу вверх, то кожа горела огнем, то терялась чувствительность. Меня рвало и выворачивало, заламывая на полу, как наркомана в ломке. Медики с равнодушными лицами смотрели сверху на мои конвульсии и методично делали записи в свои большие папки.

Мне было очень плохо. И если бы не мысль о поисках Лизы, я бы давно сдался. Такое невозможно выдержать человеку. В один из дней моего наказания в детском доме, я сидел в библиотеке и читал книгу о войне. пытки людей в концлагерях были ужасными для моего детского восприятия, пришлось долго отходить от такого чтения. А сегодня, лежа на грязном полу, залитом собственной рвотой, я сам переносил пытки.

Сколько это продолжалось, не знаю, но после того, как мои ноги снова начали держать тело в вертикальном положении, меня повели в душевую. От слабости я еле двигался, волоча подошву ботинок по бетонному полу, чем раздражал

охранника, который временами бил меня дубиной по спине, прикрикивая, чтобы я поднимал ноги.

Тускло освещенный коридор с зелеными стенами превратился для меня в бесконечный тоннель. Мое тело болело, казалось, больно даже вдыхать воздух. По ходу нашего пути слышались стоны и крики, но я уже не обращал на них внимания, привыкнув, как бы привык к тиканью настенных часов в теплом и уютном доме.

Наконец мы вышли в широкий холл, после которого начинался коридор к душевой. Нас редко водили сюда, но я запомнил это место: здесь на стене краска облупилась в форме корабля, похожего на корабль в кабинете моей воспитательницы. Там красивое судно было изображено на картине, что висела между двумя шкапами с книгами. И еще я запомнил, что это место близко к выходу, откуда мы пришли в тот несчастный день.

Вдруг что-то промелькнуло сбоку, я вскинул голову и увидел Ивана. Он стоял, цепляя пальцы за пальцы, и смотрел на меня глазами маленького ребенка. Когда мы прошли дальше по коридору, Ваня пошел за нами, как бы сопровождая. Он все время бродил по коридорам, временами останавливаясь у клеток, и никто не обращал на него внимания.

Когда мы добрались до душа, охранник ткнул в меня дубинкой, приказывая раздеваться, а сам встал, опершись о стену напротив входа. Иван остановился рядом, шмыгая носом, он наблюдал за мной и почесывал ногтями свои щеки.

Раздеваясь, я пытался сообразить, как поступить: напасть на охранника сейчас или сделать это после душа. И только большая слабость останавливала меня сделать это внезапно. Потому что состояние, до которого меня довели в том кабинете, делало из человека ватную бессильную форму.

Мои пальцы немели, не получалось даже расстегнуть пуговицы на рубашке пижамы. От рвотной массы пуговицы стали скользкими, и мое ступорное состояние раздражало охранника, отчего тот угрожающе махал дубинкой и что-то бубнил. Мне не удавалось понять, что он говорил, потому что еще там, в том пыточном помещении, в ушах пропал звук.

Я вытер пуговицы более чистым местом ткани на подоле и наконец смог снять рубашку. После согнулся, снимая штаны и размышляя, как же незаметно снять ботинки, не показав спрятанный в них осколок. Мне повезло, удалось вынуть ступню, незаметно протолкнув осколок пальцем в носок ботинка, правда, стекло разрезало мне подошву, не сильно, но кровь размазалась по коже. Пришлось скорее протереть ступню ладонью, чтобы охранник ничего не заподозрил, благо в коридорах было слабое освещение.

Ступая по ледяному полу душевой, я отчетливо вспомнил взгляд Лизы, когда нас привели сюда первый раз, и в груди больно сжалось, захотелось плакать, просто рыдать без остановки. Это крошечный ад. Ад внешний, в который мы попали по незнанию, и ад внутренний, который был самым

страшным.

Холодные струи были похожи на языки пламени, вода нестерпимо жгла кожу. Меня всего сотрясало, словно через тело пропускали электрический ток, но я терпел. Из последних сил. Лиза... Моя белобрысая упрямая сестренка. Нам нужно выбраться. Я должен тебя найти. Должен...

– Хорош плескаться! – рявкнул охранник, швыряя на грязный старый стул чистую пижаму. – Не на курорте.

Мне пришлось поторопиться, чтобы не нервировать внушительных размеров мужчину раньше времени.

Дрожа от холода, я заставлял свои челюсти сомкнуться, потому что стук зубов слышался даже за стеной. Одежда была холодная, но зато сухая, это лучше, чем промокшая от рвоты. Сунув ноги в ботинки, я подвинул стекло к пятке, заметив, как Иван разглядывает мои синяки на запястьях. Парень шагнул ближе и протянул ладони, чтобы прикоснуться к моим рукам, но его тут же одернули.

Мы снова повернули в тот коридор, откуда пришли, но, спохватившись, охранник заглянул в папку и остановил меня, указывая в обратную сторону. Это был шанс. Мы двигались в направлении выхода, нужно действовать. Разве подвернется такой случай еще раз?

Тяжело шагая, я боролся со слабостью и сильной одышкой, отчего в моих глазах все плыло и ускользало, будто кто-то устроил в голове карусель. Казалось, моя обувь выкована из металла, потому что передвигать ноги становилось все

сложнее.

Когда же решиться? Когда?... Может, сейчас? Нет, еще немного вперед...

Мышцы на руке сопровождающего мужчины размером с мою грудную клетку, и тяжелая дубинка. Ну и что? И что? Если все сделать резко, он не успеет даже среагировать. Дело не в величине мышц. Дело в скорости.

От волнения мои ладони стали мокрыми, пришлось незаметно обтирать их о пижаму, ведь стекло может соскользнуть, и вся затея провалится.

Сердце противно заколотилось, сбивая дыхание и сжимая кольцо вокруг горла. Спокойно. Нужно успокоиться. Дыши ровно... Вдох. Выдох... Вдох...

Вот это место. Вот оно. Тут нужно действовать. Давай!

Я резко нагнулся, нырнув пальцами в ботинок, и зацепил осколок, но в эту секунду в моей голове стало горячо, в ушах пронзительно засвистело, и картинка улетела, закрутившись в спираль. Я с грохотом упал, не владея своим телом. Охранник развернулся и с перекошенным лицом налетел на меня, долбая дубинкой, как хозяйка хлопушкой по ковру. Мне было очень больно. Открывая рот для крика, я не слышал себя. Только сиплый свист. Быть может, я совсем оглох, или не выдержали связки.

В какой-то момент рядом появился Иван. Он кинулся, закрывая меня собой, что-то громко мыча и махая руками.

– Пошел отсюда! – зарычал озверевший мужчина, оттас-

кивая Ваню в сторону, но парень лег на меня сверху и раскинул руки, словно хотел прикрыть мое тело.

Охранник отшвырнул моего защитника к стене, но тот кинулся на него, стуча кулаками по накачанной спине:

– Ы-ы-ы! Ы-ы-ы-ы-ы!!!

– Свали, недоумок! – огрызнулся мужик, снова разворачиваясь ко мне.

– Ы-ы-ы!!! – не унимался Ваня, хватая того за локти и мотая головой.

Замахнувшись, охранник несколько раз прошелся по рукам отчаянного парня, отчего тот отскочил к стене и скорчился от боли, прижав ладони к животу.

Все это время я лежал на полу, не в силах шевельнуться. Я мог только моргать и двигать глазами, наблюдая, как меня пытается защитить умственно отсталый парень, которого здесь не воспринимали как человека, но который был человеком более их всех вместе взятых.

После моего неудачного порыва время полетело мимо меня. Подняться я не смог, и скоро привезли кресло-коляску, куда закинули мое безвольное тело и увезли в медицинский кабинет. Там что-то со мной делали, а после отвезли в палату с мягкой кроватью и светлыми стенами, где воткнули в мою вену систему, после чего я провалился в темноту.

Глава шестая

Мне снился детский дом. Вкусный кусок яблочного пирога по воскресениям и теплые руки воспитательницы. Она жалела меня. Она была добрая, как моя бабушка.

– Какого хрена он его держит? – вдруг раздался голос. – Это же труп! Он давно труп! Ну и что, что его мозг рабочий? Что-то ценное там нашел! Я бы пустил его в расходный материал...

– Расходный материал с удовольствием вместит и ваши организмы, – раздался голос дяди Вени. Он прошел ко мне и, встав в ноги, улыбнулся, качая головой: – Этот парень будет идти по протоколу. Я нашел в нем сокровище и намерен с этим работать. А вы, – обратился он к людям позади меня, – можете быть освобождены. Если не хотите более работать под моим началом и по моим правилам, передам вас Виктору.

– Простите! – спохватились люди. – Простите, Вениамин Романович! Мы все поняли! Это наша ошибка. Будем все выполнять по протоколу.

– Вот и славно, – улыбнулся мужчина, глядя на меня. Затем строго посмотрел в сторону людей и добавил: – Отчет по протоколу Дмитрия лично мне два раза в день: утром и вечером.

Дядя Веня покинул помещение, оставив после себя тиши-

ну.

Мне нужно было спросить у него про Лизу. Но я не чувствовал губы, и даже рука меня не слушалась. Что со мной? Парализовало? Почему я не владею своим телом? И что за сокровище нашел во мне дядя Веня?

Кажется, прошло много дней. Со мной обращались ни хорошо, ни плохо, но не били, что уже плюс. Скоро меня начало отпускать, вернулись ощущения и возможность двигаться. Я воспрянул духом, появилась возможность продолжить план побега, который теперь поселился в моей голове навсегда.

Через время курорт в светлой палате с мягкой кроватью был закончен, и меня снова перевели в клетку корпуса «А». Потянулись дни новых опытов, только теперь интерес медиков был прикован к моей голове и позвоночнику. У меня брали пункции, делали новые инъекции, внимательно наблюдая за реакцией, а потом стали хорошо кормить. «Осталось откормить и съесть», – с горькой усмешкой подумал я и тут же заметил тень за поворотом коридора. Тень мелькнула ближе, и появился Иван. Он встал в стороне, глядя на меня круглыми светлыми глазами.

– Ваня! – обрадовался я, медленно поднимаясь с кровати.

Парень проследил за тем, как меня сгибает боль в спине, как я иду к нему, цепляясь за все подряд, потому что голова кружилась так, словно весь мир был в гигантской центрифуге. Или я сам был в этой центрифуге и просто терял мир.

Мне удалось добраться до решетки, схватиться за нее и не упасть. Протянув руку сквозь прутья, я улыбнулся своему защитнику:

– «Как ты, друг?»

– «Хорошо», – по-детски ответил Иван, поглядывая на мою раскрытую ладонь.

– «Ты защищал меня. Почему?»

– «Тебе было больно».

– «Но тебя тоже били, а я не смог тебя защитить».

– «Ты болеешь», – ответил Ваня, осторожно подбираясь ближе и с интересом поглядывая на мою руку.

– «Спасибо за помощь. Ты очень храбрый». – Вытянув руку сильнее, я потряс раскрытой ладонью, на что Иван отреагировал по-своему. Он шагнул к решетке и взялся за мои пальцы, затаив дыхание. Парень был в восторге. Он переводил взгляд с наших рук на мое лицо и обратно, словно простые человеческие прикосновения были ему незнакомы, а сейчас раскрываются с новыми ощущениями.

– «Тебе было больно тогда?» – спросил я.

Иван кивнул, продолжая смотреть на наши руки.

– «Мне очень жаль, что ты тоже пострадал. Известно что-нибудь о Лизе?»

– «Я не знаю, где она».

– «Ваня, мне очень плохо без нее. Болит в груди. Надо найти Лизу, иначе я сильно заболею и умру».

Парень вздрогнул, подняв на меня испуганный взгляд, и

замотал головой:

– «Умирать не надо. Не надо...»

В ответ я тепло сжал его прохладные ладони.

– «Прости, не хотел тебя напугать. Помоги мне, пожалуйста. Поищи Лизу. Или найди ключ от моего замка, и я сам ее поищу».

Ваня остановил на моем лице задумчивый взгляд и застыл.

– «Поможешь?» – снова спросил я.

Закусывая нижнюю губу, Иван радостно закивал.

– «Спасибо, друг. И никому не рассказывай о наших беседах, иначе нас накажут».

В одну из ночей мне приснилась Лиза. Как я радовался, подкидывая кончики ее длинных белых волос! Ведь мы снова были вместе. Снова смотрели в окно, считая снежинки, читали книги по ролям, делили кусок яблочного пирога, который повариха Нина называла смешным словом «шарлотка». Снова жили той жизнью, которую скорее мечтали поменять на взрослую... А потом я проснулся и долго выл в грязную подушку, сжимая кулаки вместе с простыней. Потому что мне хотелось умереть.

Как-то в медицинском кабинете у меня цедили в пробирку кровь, потом дали сладкий чай с овсяным печеньем и разрешили посидеть в удобном кресле. В этот момент появился дядя Веня, он довольно хлопнул по моему плечу и встал на-

против, вложив руки в карманы.

– Меня радуют твои результаты, – сказал он. – Признаюсь, я уже потерял надежду с тобой, а тут сюрприз. Если и дальше будешь себя так вести, переведу в другую зону. Там тебе будет гораздо лучше.

Я застыл с печеньем в руке, глядя на мужчину, и тут же спросил:

– А что с Лизой? Вы привезли нас вместе. Такая худая блондинка, она была в...

Дядя Веня поднялся и вышел из кабинета, будто я ничего не спрашивал, будто не обращался к нему. Это было больно. И страшно.

Что значит такое поведение? Почему все молчат? Невыносимо... Нет больше сил. Я так больше не смогу.

По возвращении в клетку, мой мозг стал лихорадочно продумывать план побега. Вокруг слышались стоны, мне делали какие-то процедуры, иногда украдкой били, но я этого уже не замечал, потому что жил одной лишь мыслью: найти Лизу и сбежать.

Как-то вечером мне не дали еду, объяснив, что утром назначены серьезные анализы. А такие анализы проводят в другой части здания и она близко к выходу. Это был еще один шанс.

Всю ночь я не сомкнул глаз, мутило от последних процедур и инъекций. Руки каждую минуту тянулись в ботинок, проверяя осколок зеркала, двигая его, то в носок, то под пят-

ку, отчего сердце неприятно дорожало, вызывая одышку и головокружение. В моей голове зрело множество вариантов побега, и когда за мной пришли, я был готов.

Охранник стукнул палкой по решетке, вырвав меня из карусели мыслей о побеге, открыл замок, звякая огромной связкой ключей, и велел выходить.

Шагнув за порог камеры, я чуть не задохнулся от волнения. Сердце, и без того колотящееся, стало отбивать какой-то тяжелый ритм на грани потери сознания. Так. Только не паниковать. Нельзя показывать эмоции, по крайней мере не сейчас. Иди спокойно. Глубокий медленный вдох... Выдох... Вдох...

Я старался. Я очень старался идти, не шаркая подошвой, не смотреть по сторонам, не тормозить, даже если больно наступать на раненную осколком ступню. Нельзя раздражать охранника. Пусть все получится. Пусть у меня все получится.

Вот и кабинет. Меня ждут. Охранник передает мое дело лаборанту и... садится на стул у стены, широко расставив ноги в высоких ботинках. Расслабленно откинувшись на спинку, он зажмуривает глаза и зевает. Стоп! Почему он остался? Он же должен уйти! Так было всегда. Я рассчитывал на это. С такой глыбой мышц мне не справится. Я не смогу. Не смогу... Что делать? А вдруг другого шанса не будет...

– Дмитрий, пройдемте, – протянул руку лаборант, – сюда, в хирургический.

Я застыл. В хирургический? Зачем? Что за процедуры?

Медленно двинувшись к открытой для меня двери, я пытался создать новый виток событий, но ничего не получалось. Войдя в сверкающий белизной кабинет, увидел операционный стол с ремнями, огромные иглы на длинных шприцах, пронумерованные пустые колбы и много серебристых острых предметов. Мне указали на тряпочные бахилы с просторной рубахой, что завязывается на спине, и показали, как нужно лечь на стол.

Я стоял в ступоре. Это конец. Сейчас со мной сделают то, что превратит мое тело в овощ. И я останусь здесь навсегда. Я и Лиза.

– Раздевайтесь, – холодно повторил медик.

Мои ноги отказывались идти. Стало страшно. Ватными пальцами я ловил подол своей рубашки, не находя мыслей в голове, и пока снимал верх, лихорадочно перебирал возможности. Но их не было. Ни одной. Накачанный человек с дубиной в предыдущей комнате сделает из меня отбивную прежде, чем я успею что-то совершить.

Медленно опустив снятую рубашку на лавку, я взялся пальцами за резинку штанов, как вдруг входная дверь хлопнула. Лаборант не среагировал, ожидая моего размещения на столе, он заполнял что-то в папке.

– Можно в туалет? – решил я.

– Что? – Медик оторвал взгляд от работы и нахмурился. – Давай на стол!

– Хотите, чтобы я обмочился на ваши инструменты в процессе?

Молодой мужчина раздраженно бросил ручку и повел меня в смежную комнату, где располагался туалет. Проходя мимо первого кабинета, я заглянул внутрь и понял, что охранник ушел. Эта хлопнувшая дверь выпустила его. И это то, что мне нужно.

Нагнувшись, я рывком вынул из ботинка осколок и кинулся на лаборанта со спины, крепко обвинив его шею и прижав острие под нижнюю челюсть.

– А-а-а... Что ты делаешь?! – захрипел он, схватившись за мои руки у горла.

– Мне нужна информация о Елизавете Беловой! – почти выплюнул я, понимая, что совершаю шаг к точке невозврата. Но было уже все равно. После этой комнаты меня точно не будет.

– Я не знаю, о чем ты...

– Знаешь! Поднимай документы! Я без ответа не уйду!

– Тут много пациентов...

– Не трани время! – огрызнулся я, сильнее прижимая осколок под челюсть. – Тебе же понятно, что мои руки могут не выдержать. А мне не оставили выбора.

– Ты проткнешь мою артерию, – полушепотом заговорил пленник, цепляясь за руки на своей шее. – Я ничего тебе не сделал...

– Какое совпадение, – сквозь зубы процедил я, тряхнув

напряженное тело лаборанта. – И я тебе ничего. Есть злой рок, ты это хочешь сказать? Ищи дело Лизы!

– Давай поговорим... Я могу помочь...

– У тебя осталось немного времени. Мне плевать на твою жизнь. И на свою. Без Лизы. Найдешь дело, отведешь меня к ней, и мы уйдем. Обещаю, ты не пострадаешь. Но есть другой вариант, когда нас с тобой объединит смерть. Давай!

Лаборант щелкнул по монитору трясущейся рукой и, не дождавшись открытия документов, встрепенулся.

– Вспомнил! Лиза Белова... Она была повреждена. И... Ее больше нет.

Горячая волна окатила мою спину. Я судорожно сжал шею пленника и повторил:

– Ищи дело.

– Я же объяснил тебе...

– Это не тот ответ! Ищи правду.

Удушливая волна предательски проникла во все клетки моего тела, почти нарушая план, но я взял себя в руки, снова потряхнув медика, на этот раз без сожаления.

Лаборант засуетился, тыкая в папки на мониторе и прокручивая дела.

– Не могу найти... Отпусти меня, так будет быстрее.

– Считаю до десяти, – металлическим голосом произнес я. – Потом вскрываю твою шею. Мне все равно. Понял?

– Подожди... Я говорю правду... Поверь мне, прошу! Я сильно волнуюсь, ты же видишь, дел много... Лиза, она бы-

ла на тяжелых исследованиях, сначала заболела, потом... ее увезли в подвал. Там... Там морг.

– Я тебе не верю.

– Вот! Смотри! – дернулся мой пленник в сторону экрана. – Читай, вот написано: Белова – ликвидация.

В моих глазах потемнело. Не может быть... Моя сестренка... Как же так? Все сходится. Но нет... Нет!

Стиснув шею лаборанта, я с силой прижал осколок и прошептал:

– Тогда веди меня в подвал. Живо!

Мужчина отвел свою руку вперед и увидел на пальцах кровь.

– Ты порезал меня! Что ты делаешь?

– Скажу больше: я убью тебя. Если не выполнишь моих условий.

Мы быстро выбрались в коридор, где пленник повел в подвал, минуя лестницы и этажи. Достигнув зала с моргом, мужчина остановился.

– Что тут происходит? – раздался голос дяди Вени. Он непонимающе оглядел наш вынужденный тандем и прищурился. – Дмитрий, поясните претензию.

– Поясню, – еле сдерживаясь, произнес я. – Где Лиза Белова?

– Это все?

– Мне нужна Лиза. Иначе я готов убить.

– И что потом? – поинтересовался дядя Веня.

Я применил силу, и осколок проткнул кожу на шее моего пленника, отчего тот напряженно выпрямился и прошептал:

– Пожалуйста, не надо... Не делай этого.

Дядя Веня поднял руки и качнул головой:

– Сожалею, Дмитрий! Девушка не выдержала. Так что помочь мы не сможем. Отпусти человека.

– Нет! – закричал я. – Это неправда! Лиза была сильной! Где она?

– Считаешь, мне хочется терять лучшего лаборанта? – Бледный мужчина прижал платок к своему лбу. – Мы бы отвели тебя к Лизе, это намного проще в данной ситуации. Но повторяю, девушки больше нет.

В этот момент появилось несколько вооруженных охранников, но я тут же среагировал и отскочил в сторону выхода, крепко удерживая пленника, благо мой рост позволял руководить нашей парой.

– Тогда я уйду, – пришлось решить мне. – Но вместе с ним. Вы найдете его где-то по дороге, мне балласт не нужен. – После этих слов, я начал отходить к лестнице, лаборант спотыкался, следуя за мной, видимо, боялся дрожания моей руки.

За нами подались охранники, один из качков щелкнул затвором, но мои нервы были ни к черту, и я рванул к выходу, нажав на осколок сильнее. Мой пленник застонал и завыл, судорожно хватаясь за мои руки.

– Я убью его! – вырвалось у меня. – Убью! И себя вместе

с ним!

На реакцию охраны дядя Веня поднял руку со словами:
– Пусть уходит. Опустить оружие.

Я удалялся, глядя в глаза бледного мужчины, который сообщил мне самую страшную новость в жизни. И выражение его спокойного лица запомнилось навсегда.

Лестницы наверх пролетели как одна, дальше длинные коридоры, холл с формой кораблика на стене и снова коридоры. Очутившись в распределителе, куда нас завели по приезду, я увидел охранника на пропускном пункте. Он приподнялся в недоумении, потянувшись к автомату, но его рация зашумела, и последовал приказ пропустить нас.

В мои легкие ворвался холодный воздух, стало даже больно вдыхать. Яркий свет невыносимо резал глаза, а тело пробирала дрожь, но я не останавливался, таща за собой лаборанта. Нельзя было. Только бы подальше от этого страшного места, от этих мук и страданий, от лабораторных пыток. И от Лизы. Теперь и от нее.

Память вдруг изобильно посыпала моменты нашей жизни, нашей счастливой жизни, что была до того, как мы сели в серебристый минивэн с лопнувшим бампером и легким номером шестьсот шесть.

Мы жили.

Лиза, она была такой красивой, не по-девчачьи умной и строгой. Но строгость это для посторонних, а на самом деле моя сестренка имела доброе сердце. Она была как роза, тон-

кая, нежная, ранимая и поэтому с шипами, для защиты.

– Больше не могу... – захрипел мой пленник, заставив меня очнуться и на минуту остановиться.

Я крепко прижимал осколок к его шее, хоть и погряз в воспоминаниях. Лаборант от бессилия висел на моих руках, тщетно пытаюсь отодвинуть их давление на свою гортань, и плохо держался на ногах. Одноэтажное здание, откуда мы бежали, почти скрылось на горизонте, но мне хотелось удалиться от него как можно дальше. Я грубо дернул пленника, отчего тот взвыл, вытягивая шею, и мы снова побежали.

Находясь в камере, было невозможно понять, какое сейчас время года, оказалось, снова осень. Промозглый ветер пронизывал до костей, ведь на мне были только штаны и ботинки. Сначала я грелся от тепла медика, которого прижимал к себе спиной, но скоро он тоже начал трястись, охлаждая своей одеждой.

Я бежал, если это можно было так назвать, постоянно оглядываясь в страхе погони. Раненная осколком ступня ныла и дергала, чавкая в ботинке, вероятно, от крови. Перед глазами плыл однообразный пейзаж выгоревшей степи, голова страшно болела и кружилась, а ноги сводила судорога. Мне холодно, больно и тоскливо. Но это не должно меня останавливать, нужно идти вперед, куда угодно, а там позвать на помощь.

Мой пленник начал спотыкаться, запинаясь носками обуви, а затем и вовсе остановился и стал каким-то тяжелым,

оседаая вниз. Под тяжестью его веса мои руки стали распрямляться, и через минуту безвольное тело сползло к моим ногам. Я заглянул в лицо мужчины в белом халате и понял, что тот потерял сознание. Наверно от кровопотери, ведь все это время отверстие на его шее, оставленное осколком, понемногу выпускало кровь.

Опустив пленника на спину, я стоял и смотрел на его лицо, думая, не обманывает ли он меня. Но такие обильные потеки крови до самой обуви не оставили бы шанса. Чуть позже, подержав запястье лаборанта, я понял, что нам с ним уже не по пути и отправился дальше один.

Заунывный свист ветра в ушах доводил до тошноты. Я шел, еле передвигая ноги. Было больно и очень холодно. Корка засохшей крови моего бывшего пленника неприятно стягивала кожу на руках, челюсти сводило, а зубы разболелись от постоянного клацания. Меня тошнило. Просто выворачивало изнутри. Несколько раз приходилось останавливаться и пробовать вызвать рвоту, но почему-то не получалось и от этого становилось еще муторнее.

Когда же я куда-нибудь приду... У меня не осталось сил. Совсем не осталось. Казалось, мое тело окоченело, и я уже не чувствую, согнута ли моя рука или же опущена. Противная тахикардия доводила до одышки и заставляла останавливаться и хватать ртом холодный воздух, а затем снова отправляться в путь, оглядываясь в страхе погони.

Пасмурное низкое небо стало еще темнее, заморосил мел-

кий дождь. Капли стекали по моей трясущейся спине, превращая путешествие в еще одну пытку. Тогда я подумал, это хорошо, что не зима, иначе мой путь в таком виде был бы недолог.

Идти по трассе было опасно, вдруг люди дяди Вени следуют за мной, но передвигаться одному по бескрайней степи очень тяжело. Какую же дорогу выбрать...

Неожиданно моя нога запнулась, и тело полетело вперед, как в замедленной съемке. Я упал, больно ударившись о камни ребрами и подбородком. Моросивший дождь смывал кровавую корку с рук, обжигая спину холодными струйками. Попытавшись подняться, я понял, что потерял силы и не могу больше идти. Но останавливаться нельзя. Нужно быть сильнее, только не хандрить.

Только не хандрить... Эту фразу мы использовали с Лизой. А теперь ее нет рядом, моей сестренки нет. Такого не было с тех детских времен, когда мелкую белобрысую девочку с нахмуренными бровями привезли в детский дом. Мы сразу с ней сошлись. Только я и она. Нас никто не понимал, и нам никто не был нужен. Мы были маленькой планетой, и всегда были вместе. Всегда. А теперь я один, лежу лицом вниз, прямо в жидкую грязь и содрогаюсь от холода.

Лиза... Почему ты оставила меня? Почему сдалась? Как плохо... Как плохо и больно в груди, словно металлические тиски сжимают сердце. Лиза... Лиза...

Я уснул? Почему не помню последние минуты? Где лабо-

рант? Где мой пленник? Где я?

Ах да, все, вспомнил. Нужно скорее идти дальше. Скорее. Быть может, вот-вот вдалеке появятся люди с автоматами и дубинками. Они убьют меня. Убьют.

Попытавшись подняться еще раз, я понял, что идти совершенно не могу. И тогда я пополз. Цепляясь за высохшие пучки травы, чтобы подтянуть себя до следующего пучка. Хоть кто-нибудь! Люди! Хоть кто-нибудь! Помогите! Помогите...

Мне очень плохо. Наверное, я умираю. Тело с трудом подчиняется мне. Лиза, тебе было так же плохо? Надеюсь, нет. Пусть будет все быстро. Лиза...

Я плакал. Воя и скребя желтую траву сорванными ногтями. Я не хотел умирать. Я хотел жить. Но совсем не мог больше двинуться с места.

Что это? Голоса? Нет, показалось. Просто ветер. Просто... Я приподнял голову, чтобы оглянуться на горизонт и увидел фигуры. Это люди! Меня обнаружили... Спасите меня! Я здесь! Помогите! Помогите...

Обессиленно опустив голову на мокрую холодную траву и содрогаясь всем телом, я облегченно вздохнул.

– Это он! – послышалось позади. – Вон там! Смотрите!

Что? Эти голоса... Они знакомы мне. Кто это?

Снова приподняв голову, я увидел приближающихся мужчин, накаченных с дубинками и автоматами. Меня нашли. Только не те. Не те...

Все кончено.

Я плакал. Навзрыд. Не в силах сдвинуться с места, чтобы ползти. Как глупо придется умереть. Как бездомной собаке в степи под дождем, которую сейчас беспощадно забьют палками, ломая кости и мечты...

Глава седьмая

«У пони длинная челка
Из нежного шелка.
Он возит тележку в такие края,
Где мама каталась
И папа катался,
Когда они были такими, как я,
Таковыми, как я...»

Бабушка всегда напевала эту детскую песенку из мультфильма, когда я болел. Вот и сейчас напевает. Моя добрая любимая бабушка...

– Что ты ее так режешь? – возмутился голос. – Вскрывать-ся что ли? Возьми побольше!

Я приоткрыл глаза и оглядел помещение. Белые стены, пахнет спиртом. Больница? Кто это говорил?

– А! Бегун очнулся! – с усмешкой кивнул на меня охранник, нарезая колбасу толстыми кольцами. – У тебя теперь персональная охрана. Понял? Пропиарился ты, чувак!

– Да нафига такие куски? – фыркнул другой, указывая на колбасную нарезку. – Челюсть можно свернуть!

Что это за место? Меня не убили? Я снова в этой тюрьме?

Почему тут так чисто? Наверное, эти два охранника сторожат меня. Приподняв голову, я увидел рядом с кроватью металлическую стойку с системой, тянущейся к моей руке.

– Э, Романычу нужно доложить, он просил, – спохватился тот, что пониже и щелкнул рацией: – Вениамин Романович, Рыжов пришел в себя.

Через время передо мной склонилось бледное лицо мужчины.

– Дмитрий, ты меня расстроил, – покачал он головой. – Но и обрадовал. Благодаря стрессу твой организм выделил нужные мне вещества. Ты моя надежда.

– Почему я здесь? Что в системе?

– У тебя инфаркт, дружок, – вздохнул дядя Веня. – Но мне это не помешает. – Мужчина протер свой мокрый лоб салфеткой и вышел из комнаты.

Инфаркт? Мне же только восемнадцать... Или уже девятнадцать... Не важно. Как же так? Разве бывает такое? Поэтому мне тяжело дышать и эта страшная слабость.

Я не умер. Меня не убили. Но я снова здесь. Что равносильно и тому и другому.

Часы сменились днями. Я почти все время спал, мне не разрешили вставать и заставили оправляться в судно. Унижение... Пришлось терпеть.

Как-то очередной лаборант разговорился и рассказал, что у меня был инфаркт, переохлаждение и гнойное заражение

ступни, но все уже позади. Меня лечат. Причем очень дорого.

Шли дни. Я смотрел на потолочную лампу и думал, как теперь жить. Что дальше? Можно было об этом не размышлять, ведь вряд ли я выйду отсюда когда-нибудь. Мое тело используют как опытный материал, который по отработке утилизируют. Как сделали с Лизой. «Белова – ликвидация» – вспомнились слова лаборанта.

Вот и все. Бежать снова? Как? У меня нет сил. А если и появятся, за мной теперь усиленно следят. Два охранника неотрывно находятся рядом.

Пусть все быстро закончится. Это будет подарком. Правда.

В какой-то из дней мне разрешили встать, что сделать я не смог в силу слабости и онемения всего тела. Сказали, после инфаркта такое бывает. Надо мной поколдовали медики, после чего я начал приходить в норму.

Теперь моим местом пребывания была не грязная камера-клетка, а чистая комната с водопроводом и туалетом. Меня хорошо кормили, продолжали долечивать и параллельно все время брали анализы.

Однажды в дверях показался Иван. Охранники находились в коридоре, обсуждали какой-то анекдот и громко смеялись. Окон в моем помещении не было, острых предметов тоже, поэтому люди в униформе позволили себе постоять за пределами комнаты, но уверен, они внимательно следили за

происходящим.

Я так обрадовался Ване, что чуть не кинулся обнимать его, но тот шархнул от меня в сторону, испуганно глядя снизу вверх.

– «Нет, не бойся меня! Я просто хотел тебя обнять», – пришлось тут же объясниться мне.

Иван вздохнул и расслабил зажатое тело.

Я протянул руку, вспоминая, как это действовало на парня, и улыбнулся:

– «Я очень рад тебя видеть».

Ваня задумчиво посмотрел на мою ладонь и спросил:

– «Ты болел?»

– «Я хотел убежать, но меня поймали и наказали».

– «Тебя били?»

– «Пока нет. Я сильно болел, меня нельзя было бить. Как ты поживаешь, друг?»

– «Хорошо. Ты теперь будешь здесь?»

– «Пока здесь. А потом... Не знаю». – Я раскрыл ладонь сильнее, пытаюсь протянуть руку поближе.

Ваня уставился в пол, исподлобья поглядывая на пальцы, которыми я намеренно шевелил, желая привлечь его внимание, и вдруг потянулся навстречу. Прохладная ладонь коснулась моей руки, и я с облегчением выдохнул, это означало, что парень снова мне доверяет. Мы стояли так долго. Просто держались за руки и молчали. Но на лице Вани проскользнуло множество эмоций. Теперь такое отношение к человеку

становилось ценным и для меня. Это единственные редкие минуты тепла и радости, которые не видишь за пределами этих стен, в бытовой жизни их просто не замечаешь.

– Этот придурок еще там? – возмутился охранник, приближаясь к дверям. – Э, Иван, ну-ка вали отсюда!

Мы резко расцепили руки, и мой друг побрел к выходу. У дверей он обернулся, и я попытался улыбнуться ему, как можно спокойней, потому что внутри меня сжала боль. Мне снова захотелось жить. И от этого стало невыносимо больно.

Незаметно махнув пальцами опущенной руки, я попрощался с Ваней, надеясь увидеть его еще не раз, и опустился на край кровати. Как же плохо мне было. Как невыносимо хотелось кричать во весь голос, чтобы все это прекратилось. Просто проснуться и спуститься в столовую, где повариха Нина суежилась над вкусным завтраком. Ну и что, что это каша, зато с изюмом или кусочком яблока. А может, пойти с Лизой расклеивать объявления, или просто бродить по аллее парка, подкидывая ботинками желтые листья. Просто жить.

Как же все это выдержать... Как? Я даже не знаю, откуда беру силы для каждого дня. Мне кажется, скоро мой разум и тело начнут существовать отдельно. И кто-то из них первым сдастся.

Мое выздоровление понравилось дяде Вене, и он снова начал свои исследования. Лучше бы пристрелили меня там в степи.

Пункции из спинного мозга давались мне тяжело. Меня постоянно чем-то накачивали через вену, потом держали под аппаратами, напоминающими томограф, и снова забирали кровь. От всего этого меня страшно мутило и сковывало судорогами. Когда становилось сильно плохо, давали день покоя, затем делали все снова.

Как-то дядя Веня потерял сознание, беседуя с лаборантом в моей комнате, он выронил папку из рук и с грохотом упал на пол. Мужчину сразу увезли на каталке, большие коридоры этого корпуса позволяли возить такие габаритные вещи. После этого случая меня почему-то оставили в покое, а через несколько дней начали пытки с удвоенной силой.

Мое существование превратилось в сущий ад. Ночами я стонал от бессилия и мечтал умереть. Было жутко, потому что у меня начались галлюцинации. Голоса были разные, они бегали по стенам в виде лысых голов с паучьими лапами и вещали, кто сколько крови выпил. А одна из голов хвастала, что пьет мой спинной мозг.

– Рыжов, подъем! – рявкнул охранник, потрясая папкой.

Я медленно поднялся, опасаясь упасть из-за головокружения, и с трудом сунул распухшие ступни в ботинки.

– Куда?

– В лабораторию. Давай, резче!

По дороге меня пробирала мелкая дрожь, наверное, морозило, а может быть, от переживания. Слабость была сильнейшая, я с большим трудом и одышкой ковылял по кори-

дорам, страхуясь вытянутой к стене рукой.

В помещении лаборатории было готово разложенное кресло, куда меня заставили лечь и положить руку на подлокотник. Со стороны подлокотника находился большой аппарат, от которого тянулись шланги, их подключили к трубкам системы, а трубки воткнули мне в вены. Три иглы входили в мою руку: одна на сгибе, вторая в ключицу, третья в вену запястья.

Я лежал и смотрел в потолок, как обычно, стараясь проскочить этот момент своей жизни, никчемной и мучительной, жизни лабораторной мыши. Но вдруг в лабораторию вошел дядя Веня. Вернее, его ввели, поддерживая с двух сторон, и усадили в такое же кресло по другую сторону аппарата, затем подсоединили трубки и ввели иглы системы. Мне было плохо видно, но в отражении блестящего потолка я разобрал, что нас обоих подключили к странному ящику. Наверное, руководителю и члену элитной группы тоже требовалась терапия. Не для опытов же его привели.

Аппарат загудел, запахло марганцовкой, а в моем плече стало горячо. Что делали со мной в этот раз, я не понимал, только все горячее становилось уже во всем теле, а потом и в голове. Лаборанты склонялись то ко мне, то к дяде Вене, сосредоточенно следили за чем-то, фиксировали в бумагах и перешептывались.

Через время я начал подозревать, что от меня что-то переливают, биологический материал прогоняют через аппарат,

там он преобразается и входит в шланги Вениамина Романовича. Сначала я не придавал этому значение, но такую процедуру стали проводить многократно. И от этого мое состояние ухудшилось. Меня рвало кровью, по телу распространились синие пятна, волосы и брови снова выпали, а температура держалась повышенная. Я стал плохо видеть, но на мои замечания никто не реагировал. Меня просто привозили на кресле в лабораторию, подцепляли к аппарату, с другой стороны которого находился дядя Веня, и проводили процедуры. Затем увозили мое тело в палату и бросали на кровать. После этого мне вкалывали что-то со шприца, санитар менял тазики с кровавой рвотой и оставлял меня одного с болью и бегающими по стенам головами.

Кажется, так прошла вечность. Но однажды все изменилось, и я не знаю, что было бы лучше – жизнь в бункере до этого момента или облегчающая смерть. К сожалению, последнее для меня было недостижаемо.

Я узнал, что дядя Веня умер. Не выдержал клинически не испытанных проб. Ценный материал, который он нашел во мне, не подошел ему, хотя по дебютной пробе все было идеально.

Теперь меня убьют. Зачем я им? От меня слишком много проблем. Я умру. Ну и хорошо. Хорошо... Встречусь с Лизой. Ведь мы встретимся, я верю. Просто еще немного потерплю, смерть ведь не проходит незаметно. Так? Я выдержу. Стисну зубы последний раз. Так надо. Последний раз...

– Это Рыжов? – спросил вошедший с группой людей статный брюнет.

Я посмотрел на мутный образ и с трудом поднялся на кровати.

– Анти-штамм, группа А(II), работал по третьему протоколу, – отчеканил лаборант.

– Теперь руководить проектом буду я, – жестко ответил мужчина. – У меня другие методы, слабых отсею, на жалость времени нет. Вопросы решаю быстро и без апелляций. Это понятно?

– Да, Виктор Сергеевич.

– Рыжова на анализы, буду с ним работать, – бросил мужчина и, оглядев меня, добавил: – Если тут будет с чем работать.

После этих слов все вышли из комнаты, оставив меня в полном ступоре. Виктор Сергеевич? Не этого ли Виктора так боялись лаборанты, когда дядя Веня грозился передать их ему? Тон нового руководителя меня напряг, как оказалось не зря.

Глава восьмая

Меня начали проверять на предмет годности, собирая анализы и все данные. Потом оставили в покое, и я подумал, что пришел мой конец, раз такой материал им не нужен. Но неожиданно меня начали хорошо кормить и снова лечить. Было непонятно, что происходит, но я так устал от боли и пыток, что радовался покоем и вкусной еде.

Скоро вернулось мое зрение, хоть и не до конца, синюшные пятна исчезли, перестало тошнить. Я снова чувствовал вкус и запахи, дышал без боли и даже отрастил ежик на голове. А потом меня вернули в бывшую камеру корпуса «А», где я увидел Ивана. И мой друг сообщил мне новость, от которой я чуть не потерял сознание.

– «Ваня! Как я рад тебя видеть! Ты в порядке? Как твои дела?» – радостно зашептал я, прижавшись к решетке и протягивая руки.

Парень помедлил и тронул мою ладонь.

– «Хорошо. Ты болел? У тебя короткие волосы».

– «Болел, но уже прошло. Волосы отрастут. Что нового?»

– «Дядя Веня умер». – Иван осторожно сжал мою ладонь и убрал руку, застенчиво глянув на меня светлыми круглыми глазами.

– «Да, знаю об этом».

– «Я видел Лизу».

– «Что??»

– «Я видел Лизу», – повторил Ваня, задумчиво уставившись в мое лицо.

У меня потемнело в глазах, я пошатнулся назад, тут же схватившись за металлические прутья.

– «Ты видел Лизу? Мою Лизу?»

Парень кивнул, продолжая смотреть на меня.

– «Ты не ошибся?? Мне сказали, что она умерла!»

– «У нее на руках кольца, но она не болеет».

– «Какие кольца?» – растерялся я, все еще не веря в происходящее.

Ваня показал на соединенные запястья и задумчиво склонил голову.

– «Наручники?»

– «Угу».

– «Боже мой... Где ты ее видел?»

– «Там, где берут кровь и где душ».

Господи, неужели это правда... Моя Лиза... Она жива? Жива... Я знал, что это обман. Лиза сильная. Это точно она. Господи... Как я рад!

– «Ваня, друг! Записка для Лизы, которую ты спрятал, еще на месте?»

– «Я ее больше не брал».

– «Прошу тебя, возьми записку и постарайся отдать Лизе. Помнишь, мы с тобой договаривались? Чтобы никто этого не видел».

– «Хорошо», – кивнул Иван и посмотрел на мои руки, напоследок потрогав пальцами, затем радостно улыбнулся и убежал по коридору.

С этого дня жизнь обрела для меня новый смысл. Мне было все равно, что со мной делают, я все терпел, переносил, лелея надежду встретиться с моей мелкой упрямой сестренкой. Она жива! Я не верил в обратное, хотя в последние дни спал. Теперь мы вместе, пусть она через много стен от меня, но это почти рядом. Ночами я закрывал глаза и протягивал руки в воздухе, мысленно достигая протянутых рук Лизы, и так сидел, улыбаясь. В эти минуты я был счастлив. Правда.

Через несколько дней, Ваня обрадовал меня, сказав, что записку он передал.

– «Молодец, друг! И что? Как она там?» – зашептал я, цепляясь от слабости за решетки.

– «Она улыбнулась. А потом закрыла руками лицо», – ответил Иван и показал, как это выглядело.

– «Она плакала?»

– «Нет. Но у нее всегда грустные глаза».

Мне стало так тревожно, каждый день я не находил себе места, размышляя, что теперь делать. А после таких слов совершенно потерял покой.

– «Послушай, мне очень нужно выйти из камеры. Ты можешь помочь?»

– «Да. А как?»

– «Нужно найти ключ от моей двери. Это, конечно, слож-

но. Даже не знаю, как ты сможешь... Или вот что, нужен телефон, какая-нибудь связь. Я сделаю звонок и все. Тут есть возможность позвонить?»

Ваня задумчиво смотрел на меня, закусив нижнюю губу, словно искал в голове ответы. Затем оживленно кивнул:

– «Я знаю, где лежат маленькие телефоны. Принести?»

Мне стало страшно за отзывчивого помощника, и я объяснил ему, что если он сможет найти ключ, будет хорошо, а если нет, то можно принести телефон, но только так, чтобы этого никто не увидел.

После нашего договора дни потянулись особенно долго. Я переживал за Ивана, опасаясь, чтобы он не попался на краже, ведь неизвестно, как отреагирует Виктор Сергеевич, а он многих пугал уже только своим именем.

В один из дней я не смог подняться утром. Просто отказали ноги. Последнее время мое состояние было плохим, но это не имело значения, потому что в таком ритме моя жизнь проходила уже давно. В этот раз я заволновался, вдруг Ваня принесет ключ, а мне не удастся подняться.

Чтобы не останавливать исследования, меня таскали в лабораторию на кресле, там продолжались пытки, потом меня привозили обратно и швыряли на кровать, как тряпку, оставляя почти без сознания с пеной, стекающей изо рта.

Разве мог я в таком состоянии сделать отчаянный шаг? Я вообще ничего не мог, кроме того, что лежал и водил глазами, провожая взглядом изредка проходящих по коридору

охранников и медиков.

Но чудо все же произошло, и мои мышцы начали держать тело. В это время и появился Ваня, с радостным видом доставая из-под куртки большую связку ключей.

– «Это что? Где ты их взял?» – удивился я, перебирая ключи.

– «У Гриши взял. Он спит».

– «И он не заметил?»

– «Он пьяный».

Я выяснил, что Гриша – брат Вани, который имеет ключи от двух корпусов, и это он вез нас с Лизой на минивэне. Гриша с напарником что-то крепко отметили, а Виктор Сергеевич в это время выехал в город. Охранники заснули, чем и воспользовался мой друг, притащив всю связку ключей.

Я выдохнул и стал лихорадочно подбирать ключ к своей двери, трясущимися руками перебирал один за другим, задыхаясь от бешеной тахикардии. Было страшно. Страшно, что заметят пропажу ключей и накажут Ваню, что мои действия увидит проходящий охранник и перебьет нам обоим руки, что после обнаружения приставят личного надсмотрщика, с которым я уже никогда ничего не изменю.

Вдруг раздался щелчок, отчего я на секунду замер, и тут же спохватившись, толкнул дверь, открывая перед собой пространство без решеток. Иван радостно поднял брови, увидев меня рядом с собой, и неожиданно прильнул ко мне, как маленький ребенок к матери. Я растерянно обнял его,

этого маленького человека с большим сердцем, затем вернул ему ключи и велел срочно нести назад.

Сам же отправился разузнать про выход в овощехранилище, о котором однажды поведал Ваня. Пробираясь вдоль стен, я поглядывал наверх в поисках видеокамер, но красных глазков не замечал. Клетки в этой части корпуса пустовали, что было мне на руку. Значит, нет нужды делать обходы, это давало шанс никого не встретить.

Уже спустившись с лестницы в конце коридора, я почти приблизился к заветному выходу, как вдруг увидел поднимающегося охранника. Сердце замерло, но мне удалось спрятаться, открыв ближайшую дверь в какую-то темную комнату.

Я долго привыкал к темноте, затаив дыхание и прислушиваясь к шагам по коридору. Охранник был не один, слышались звуки, будто что-то заносят, катят какие-то металлические предметы, разговаривают и нервничают. Мне нужно было срочно приготовить место отхода, если откроется дверь, и я начал искать такое место между стеллажами и коробками, которые находились в комнате. Оглядевшись, я шагнул назад и увидел вещи и обувь, брошенные на лавку, и в этой куче одежды заметил уголок телефона, который торчал из кармана брюк. Не может быть... Оттопырив пальцем край кармана, словно вор, я заглянул получше и понял, что не ошибся. Медленно потянув предмет, стыдясь, будто на меня кто-то смотрит, я вынул мобильный телефон и ткнул

дрожащим пальцем на кнопку. Экран засветился, показывая время и пропущенные сообщения.

От неожиданности я растерялся. Что мне делать? Надо что-то сделать, это шанс, это надежда. Позвонить... Кому? В полицию? Вдруг не поверят. Быть может, время только на один короткий звонок, а говорить придется громко. Тут услышат. Что делать? Думай... Взять с собой? А куда потом? Если узнают, могут убить. Случайно. Мне много не надо. Так, спокойно... Вдох... Выдох...

Позвонить своим. Они смогут понять. Смогут? Успеют? Должны, они же свои. Так, нужны номера... У Аленки и Раи мы путали цифры. Славик! Его номер помню.

Снова ткнув на кнопку, я начал набирать цифры. Гудок! Еще гудок... Возьми же трубку, Славка... Только услышь...
Прошу тебя...

– Слушаю.

– Алло, Слава! Слав...

– Кто это?

– Я! Славик! Послушай...

– Вас плохо слышно.

– Подожди! Это я! Димон! Слышишь?

– Кто? Говорите громче!

Вдруг за дверью послышались голоса, и мне пришлось сойти на шепот:

– Слушай, мы с Лизой попали в страшное место...

– Перезвоните! Плохая связь...

Славик отключился, оставив меня в ступоре, но ненадолго, потому что шаги приближались. Я быстро стер набранный номер, вздрогнув от распахнувшейся двери, и только успел сунуть аппарат обратно в карман штанов, как в комнате появились два охранника. Взяв коробки, они по очереди стали выходить в коридор, но вдруг один из них бросил взгляд прямо на меня, притаившегося между стеллажами. Не включая свет, мужчина с дубинкой опустил свои коробки на пол и подошел ко мне, щурясь в темноте.

– Что за хрень? – ошарашено произнес он, глядя мне в лицо. Затем выпрямился и крикнул в сторону коридора: – Эй, парни, у меня тут сюрприз!

Я молча сносил удары. Охранники это особый вид людей, им вроде бы все равно, но для порядка – надо. Только в моем состоянии каждый удар чувствовался жестко: верхний слой кожи рвался, потому что от испытательных материалов и лекарств кожа стала похожа на пергамент.

– Завязывай, Ефимыч, – гаркнул тот, что зашел первым. – Сергеичу не понравится. Ты же знаешь, как он мстит за повреждение его моделей.

Ефимыч сплюнул, покрутив в воздухе измазанной в моей крови дубинкой, как бейсбольной битой, и небрежно бросил:

– Задержание при попытке к бегству.

Меня оттащили в клетку и неудачно бросили на кровать, потому что от слабости я не удержался и упал на пол. Сильно болела спина, и подняться мне не удалось, а когда через вре-

мя пришел Иван, он очень испугался, увидев меня на полу в таком виде, выкрикивая мычащие звуки и стуча ладошкой по решеткам. Я поднял голову и попытался его успокоить улыбкой, самой доброй, на которую был способен в тот момент.

Главным сокровищем была новость о Лизе. Остальное можно пережить.

Наверное.

Виктор Сергеевич появился передо мной на следующее утро. Мужчина за сорок, красивый картинный брюнет с холодным взглядом вошел в мою камеру с тремя охранниками и наотмашь стукнул меня по лицу. Он подождал, когда я поднимусь с кровати, кривляясь от боли и хватаясь за ребра, а потом сразу ударил.

– Ты знаешь, сколько я на тебя трачу? – сквозь зубы процедил хозяин. – Не вынуждай меня, иначе все предыдущее тебе покажется раем. – После он развернулся к застывшим охранникам и добавил: – Если вы его испортили – замените собой. Его в душ и сменить одежду. И молитесь.

Дорога в другой корпус далась мне с трудом. Еле переставляя ноги, я тащил свое тело, изо всех сил стараясь идти быстрее, но мое поведение все равно взбесило охрану. Они тыкали в меня дубинками и ругались. Потом привезли откуда-то коляску и доставили свой балласт в душ. Проезжая мимо стены с фигуркой кораблика, я вспомнил свой побег с заложником. В кого меня превратили эти стены... В пре-

ступника. В вора. С атрофированным чувством к жизни и к унижению. А ведь я выпустился из детского дома совсем другим человеком. Я был лучше. Добрее. И вся жизнь казалась впереди.

Стоя в душе, я вспомнил первый день, когда нас заставили здесь мыться. Лиза тогда плакала, мылась и плакала, а я слышал это сквозь шум холодных струй. Стоял рядом и прятал глаза. Я чувствовал себя предателем. И до сих пор чувствую.

Зачем человеку воспоминания? Если ты возвращаешься к хорошему, значит, сейчас тебе хуже, чем тогда. Если возвращаешься к плохому, значит, тебе очень плохо сейчас. Муки совести заставляют возвращаться в тяжелый момент снова и снова.

Зачем?

Почему нет кнопки отключения? Разве можно жить с такими чувствами...

– Рыжов! Чтоб тебя... – ругнулся охранник, ткнув в меня дубинкой. – Разогни руку! Доступ к венам!

Я огляделся и понял, что нахожусь в медицинском кабинете, где лаборанты пытаются взять у меня кровь. Как попал сюда, не помню, но инстинктивно зажался, преграждая доступ к больным местам. Мои вены воспалились, начался флебит. Было больно, когда в почерневшие горячие участки тела втыкают иглы.

Последнее время мне стало почти все равно. Хотелось скорее умереть. Это же выход. Это прыжок в мир без боли и

пытков. Но весть о Лизе возродила угасшее желание жить, и теперь нужны были силы, только их почти не осталось.

Результаты анализов показали, что меня можно помучить, чем и занялись вновь назначенные лаборанты. Я начал принимать какой-то препарат ежедневно, три раза в день, и примерно через неделю моя кожа покрылась синяками, и распух правый бок. Мне сменили препарат, после чего сначала полегчало, а потом стало еще хуже: выпали волосы и брови с ресницами, начало рвать. Похоже на химиотерапию, ведь я уже проходил такое.

Через время мне стало совсем плохо. Как-то в лабораторию вошел Виктор Сергеевич и с претензией обратился к медику, который наблюдал меня в этот момент.

– Рыжов мне не нравится, – постучал пальцами по столу брюнет. – Результаты не радуют.

– Все в порядке, Виктор Сергеевич, – заверил лаборант. – Анти-штамм может так реагировать, для его формы это нормально.

– Смотри, не сорви ему печень. Он мне нужен. Загубишь – ляжешь на его место.

Глядя в белый потолок, я размышлял, что такого нашли в моем организме, что позволяет мне до сих пор оставаться живым. Ведь я с самого начала плохо подходил для таких целей, только дядя Веня заступался. И каким издевательствам тогда подвергают Лизу, если с первых дней у нее был хороший показатель?

Что же мне делать? Какое решение принять? Новое нападение? Заложник? Побег? Нужно что-то изменить. Пока еще не поздно.

Надеюсь, что не поздно.

Глава девятая

Как-то после капельницы я отлеживался в камере. Мутило страшно, ломило кости, была такая слабость, что я устал даже дышать. Тело сотрясала мелкая дрожь, что передавалось дыханию, и мне казалось, что вдох и выдох идут рваными движениями.

Я лежал головой в сторону коридора, и когда там раздался шум, приоткрыл глаза, это все, на что был способен. Охранник и лаборант что-то шумно обсуждали, проходя мимо моей клетки. Медик махал папками и совал их в лицо качку с дубинкой, как вдруг что-то пронеслось навстречу и столкнулось со спорящими.

Папки рассыпались по полу, раскидывая содержимое, и что-то маленькое закатилось под решетки моей камеры. Медик присел и, возмущаясь, стал собирать бумаги, а виновник остановился, словно статуя, и я узнал в нем Ивана.

– Вот придурок! – сокрушался лаборант, сгребая листы. – Сказано – придурок! Устроил американские горки! – Наконец, поднявшись, медик ткнул папками в грудь застывшему парню. – Какого хрена ты тут бегаешь? Выздоровел уже? Степан быстро вернет тебя на больничный, – кивнул он в сторону охранника.

Иван смотрел перед собой, моргая и кусая нижнюю губу, и никак не реагировал. Лаборант замахнулся на него в эмоци-

ях, затем плюнул и направился дальше, уводя за собой мужчину с дубинкой.

Ваня оглянулся на них и, когда голоса стихли, подошел к моей клетке.

Я обрадовался и постарался ему улыбнуться:

– «Привет, друг! Давно не приходил, ты что, болел?»

– «Да. Болел».

– «Что случилось с тобой?»

– «Гриша побил».

– «За что?!»

– «Я не слушался и плакал».

– «Плакал? Почему? Что случилось?»

– «Жалко новых людей. Их привезли как тебя и Лизу».

Я даже забыл, что меня трясет и поднялся на кровати с вопросом:

– «Новые люди? Их тоже посадят в клетки?»

– «Да. Они уже сидят, в другом корпусе. Я ходил туда, они там, где Лиза».

– «Лиза там? Ты ее видел?»

Иван кивнул.

Собрав последние силы, я подошел к решетке.

– «Как она себя чувствует?»

– «Плохо. Как ты. Лежит все время».

Только не это... Только не сдаваться. Если мы оба сляжем, некому будет бороться.

Вдруг появился тот самый Гриша, он схватил Ивана за ру-

ку и потащил обратно по коридору.

От слабости я начал сползать на пол, цепляясь за шершавые пыльные прутья. Где-то близко моя грань, но ее нельзя видеть. Иначе наступит конец.

Пол был холодным, а боль в теле доводила до рвоты. Я лежал возле решетки, не в силах доползти обратно до кровати. Почему Гриша так грубо увел Ивана? Надеюсь, взрослый брат не обидит его снова, ведь Ваня как ребенок, открытый и добрый.

Неожиданно мой взгляд упал на длинный предмет, который спрятался между полом и дверью в камеру, и я протянул к нему руку. Что это? Палочка? Прутик? Нет. Это карандаш. Карандаш? Откуда он здесь? Может быть, его принес Ваня, когда прибежал? Нет, ему нельзя брать карандаш, он острый. Тогда, быть может, карандаш отлетел, когда упали папки? Лаборант собрал бумаги и все, что увидел, но я тогда заметил: к моей двери отскочил какой-то предмет.

Поддев пальцем слой грязи с пылью, похожей на серую вату, мне удалось ухватиться за карандаш и вытащить его. Остро заточенный предмет начал рождать разные мысли в моей голове, вплоть до использования его в качестве холодного оружия. Такое острие к чьей-то шейной артерии – и ты почти бог. В твоей руке жизнь и смерть. Это шанс. Нужно построить четкий план побега, и не так, как в прошлый раз.

Я спрятал находку в отверстии треснувшей кирпичной кладки стены. Сначала план, после – действие.

С этого дня мои мысли были заполнены побегом. Как вызвать Лизу, как более безопасно покинуть помещение, где взять теплую одежду, ведь когда я бежал первый раз, была глубокая осень. Нужно очень многое учесть, может быть, придется украсть телефон, чтобы позвонить в процессе побега, или деньги... Стать вором. Стать убийцей. Стать преступником. Но может быть, там наверху положат на весы мои преступления и преступления, совершенные в этих подземных бункерах и решат, что моя вина ничтожно мала по сравнению с виной людей из группы дяди Вени.

Ничтожно мала...

Однажды сработала сигнализация со стороны овощехранилища. Сирена звучала минуты две, прежде чем послышался топот в той части коридора. Чуть позже все стихло, но я затаил дыхание, глядя на дверь камеры: во время сигнализации раздался щелчок. Почему? И правда ли этот звук исходил от двери?

Подождав какое-то время, я осторожно подошел к решетке и посмотрел по сторонам коридора. Сердце бешено отбивало пульс в горле, от волнения затряслись руки. Мои пальцы потянулись к ручке, медленно нажав на нее, я почувствовал движение от себя. Что это? Она открылась... Почему? Что за подвох? Может, за мной наблюдают?

Лихорадочно размышляя, я все же вышел из камеры и пошел вдоль стены, поглядывая наверх в поисках красных глазков.

Глоток свободы. Мнимой свободы, но тот, кто не сидел взаперти, никогда не поймет мои ощущения. Когда идешь по длинному коридору, а пространство не кончается, и рядом с тобой никого, никто не тычет дубинкой в больные ребра, не хватается руками за распухшие ноющие локти... Это свобода. Да. Маленькая мнимая свобода. Я знаю, что это закончится, через сто метров или через переход в другой корпус, а может, сейчас же за углом. Но я вырвал кусок этого чувства, которое дает силы жить дальше. Спросите – зачем? Что это за жизнь такая? Легче быстрее загнуться. Будете правы. Но только отчасти.

Надежда. Она умрет последней. Так что пока можно продолжить пытаться жить.

Было странно, что меня никто нигде не останавливает. Может, я сплю? Или умер? Минуя все переходы и лестницы, я добрал до корпуса, где могла быть Лиза, и вдруг увидел ее. Маленькая сторбленная фигурка лежала на кровати лицом к стене. От неожиданности я задохнулся, хватая ртом воздух.

– Лиза, – позвал я, стараясь произносить слова как можно тише. – Эй! Мелкая!

Фигурка пошевелилась, разворачиваясь, и через мгновение моя сестренка уже шла ко мне, протягивая руки. Я обнял Лизу через решетки так крепко, как мог. Мои длинные руки обхватили худое тельце, казалось, в два оборота. Господи! Это она... Живая. Рядом. Только такая худенькая, бледная, с ужасными синяками под глазами. Она не хотела отрывать-

ся от меня, пряча лицо, но пришлось отодвинуть ее, чтобы посмотреть поближе.

Лиза плакала. И стеснялась этого. Моя мелкая пацанка, она всегда считала это проявлением слабости, женской ерунды. А сейчас не могла сдержать себя, я и сам не смог, и тоже заплакал.

– Такие синяки... – все, что удалось сначала произнести мне, глядя в бледное личико. – Мы скоро сбежим отсюда, у меня есть план. Только держись. Тебя мучают? Что с тобой делают?

Смахнув дрожащими пальцами слезы с подбородка, Лиза тихо ответила:

– Я подошла на вытяжку...

– Что? Какую вытяжку?

– Митя... Я не доживу до побега...

Меня словно окатило горячей волной.

– Почему? Что происходит?

Лиза вдруг поникла, опускаясь на пол. Я едва успел подхватить ее сквозь решетку.

– Что с тобой? Эй, сестренка! Тебе плохо?

Да что же происходит? Мне не нравится ее состояние. И что за вытяжка?

Я потряс хрупкое тельце, заглядывая в опущенную голову. Лиза медленно подняла глаза, в которых я отчетливо увидел отчаяние. Это было страшнее всего. Когда накрывает отчаяние, ты будто в мышеловке с медленным механизмом убий-

ства.

– Нет, так нельзя, – строго сказал я. – Ты не имеешь права меня бросать. Мне тоже плохо, но мы сбежим, у меня есть план. Потерпи немного, прошу тебя. Лиза, слышишь? – Мне пришлось поддержать ее голову под подбородок, потому что сил в этом худеньком измученном теле уже не осталось. – Я звонил Славику, только разговор оборвался, плохо было слышно. Но это не беда, я позвоню еще. Позвоню, и за нами приедут. Слышишь? Мы выйдем отсюда! Только не хандрить! Только...

– Поговорили? – прервал металлический голос Виктора.

Я вздрогнул и обернулся, продолжая держать Лизу на весу. Брюнет стоял, сложив руки на груди, и надменно смотрел на нас. Рядом с ним охранники, лаборанты и еще незнакомые люди в пиджаках.

– А я тебя везде ищу, – с поддельным притворством сказал Виктор. – Куда пропал человек, что случилось? Может, помощь нужна.

Я молчал, не зная, как реагировать.

– Соизволь пройти с нами, – продолжил мужчина, вытянув руку в сторону коридора. – Ты сейчас нам очень нужен.

После моего бездействия ко мне подошли охранники и стукнули дубинками по больным распухшим локтям, сами руки ведь находились внутри камеры. Я взвыл, пытаясь удержать падающее от слабости тело сестренки, но меня грубо одернули, и Лиза упала, как подкошенная. Извернувшись, я

наотмашь стукнул одного охранника по лицу, после чего сам не удержался, подавшись за больной рукой, и упал на чело- века в пиджаке. По моей спине сразу посыпались удары, но Виктор быстро пресек мелькание дубинок, и меня потащили по коридору.

Я смотрел на удаляющийся силуэт фигурки на полу каме- ры и рыдал:

– Только не хандрить! Слышишь? Лиза! Помогите ей! Прошу вас! Помогите...

Очнулся я в белой кафельной комнате под системой, ко- торая тянулась к моей ключице. Мимо ходили лаборанты, стоял запах спирта и марганцовки. Когда я понял, что могу двигаться, поднял голову и огляделся. В этой комнате мне приходилось бывать еще при жизни дяди Вени, да и после его смерти тоже.

Через время ко мне подошел лаборант, он вытащил иглу и закрыл катетер, залепив его пластырем.

– Итак, – вдруг произнес Виктор, стоявший у изголовья, – долго ты будешь испытывать мое терпение?

– Что с Лизой? – сразу спросил я, сев и свесив ноги. – Ей помогли? Она же осталась на полу.

– Не беспокойся за нее. За себя переживай. Ты меня под- вел.

– Да что вы за человек такой?! – не выдержал я. – Вас что, не земная женщина родила? Вы издеваетесь над нами! Над другими невинными людьми! За что? Что мы вам сделали?

Виктор самодовольно улыбнулся.

– Естественный отбор, дорогой. Слышал о таком?

– Слышал! Только это не естественный, а ваш личный отбор!

Хозян положения шагнул ближе и резко склонился к моему лицу, скрипнув зубами:

– Жить хочешь? Да? И я хочу жить. Представь. И такие как я – тоже.

Я опешил от признания и с содроганием отодвинулся назад.

– Так причем здесь мы?

– Вы те, кто может нам помочь. Кто-то же должен.

– Вы мучаете людей! Разве это помощь? Держите в ужасных условиях, проводите опыты. Почему мы? Мы только начали жить, строили планы и не мечтали попасть в это место!

– Мы тоже строили планы, – сухо произнес Виктор, выпрямившись и одернув полы пиджака. – А болезнь не спрашивает.

– Есть же добровольцы...

– Времени нет! – нервно одернул мужчина. – Вениамин не дождался помощи. Я не собираюсь так подыхать.

Мне стало не по себе от этих слов. Опустив голову, я долго смотрел в пол.

– Вы убьете нас?

Глубоко вздохнув, Виктор смягчил тон:

– Ваша помощь даст возможность жить другим людям,

которые, в свою очередь, помогают другим. Мы преследуем благие намерения.

– Вашими намерениями устлана дорога в ад, – с болью заметил я.

Виктор снисходительно улыбнулся.

– Эта песня поется, пока не касается тебя. Если бы кто-то мог помочь Лизе, а она бы умирала, ты бы воспользовался возможностью? Или смотрел бы на ее муки? Думаю, выбор падет на первое. Без вариантов.

– То, что вы делаете, чудовищно, – отозвался я. – Вы убиваете людей. Неужели нет других вариантов?

– Может и есть. Но у нас нет времени. Мы и так очень долго ждем. Таков закон природы, побеждает сильнейший. Если Лиза поможет мне выжить, я буду рассказывать о ней внукам. Обещаю.

Последние слова показались издевкой. И я почувствовал, как противное чувство отчаяния заползает в мое сердце. Но этого нельзя допустить. Нельзя.

– Что такое вытяжка? – спросил я, глядя, как Виктор направляется к выходу. – В этом заключается помощь от Лизы?

Мужчина остановился в дверях и развернулся.

– Тебе лучше не знать об этой процедуре, – помолчав, ответил он. – Просто думай о хорошем.

Меня вернули в камеру, даже не избили за побег. Наверное, если меня немного побить, я умру. На мне уже нет живого места: кожа стала тонким темным пергаментом, кото-

рый слезает пластами и кровоточит, если его задеть, зрение ухудшилось, есть почти не могу, меня «сытно кормят» капельницами и иногда зондом, волосы на теле перестали расти, отчего в редких зеркалах на меня смотрит голова Фантомаса. Вот такой я ценный, а ценный материал берегут.

Но теперь, что бы я ни делал, перед глазами стоял Виктор, который ответил мне: «Тебе лучше не знать об этой процедуре. Просто думай о хорошем». И это вторая страшная новость после новости о смерти Лизы, к счастью ошибочной.

Однажды ко мне пришел Иван, он взялся руками за решетки и вставил в проем лицо.

– «Друг! Здравствуй! Хорошо, что ты пришел», – махнул я ему, поднимаясь с кровати, но не удержался и упал, больно ударив подбородок о каменный пол.

Ваня раскрыл глаза и замычал, постукивая ладошкой по решетке.

Мне пришлось улыбнуться, сплюнув кровавую слюну, и снова подняться, чтобы не пугать парня. Но, честно говоря, это удалось с трудом. Опираясь рукой о стену, я добрался до двери и, цепляясь за прутья из последних сил, успокоил:

– «Все нормально. Не переживай, просто поскользнулся. Как ты? Тебя не били больше?»

Ваня отрицательно покачал головой, шмыгая носом.

Тогда я снова спросил:

– «Что-то случилось? Ты плакал?»

– «Да. Было жалко дядю Витю, он заболел».

– «Какого дядю Витю?» – переспросил я, не поняв сначала, о ком идет речь.

– «Нашего дядю Витю, он теперь сидит в кресле дяди Вени», – ответил Ваня, почесав ладонями щеки.

– «Он заболел? Что с ним?»

– «Он упал возле лестницы, там. А потом его унесли в белый кабинет, где делают укол. Дядя Витя кашлял, и изо рта шла кровь, ему засунули трубку в нос».

От такой новости мне стало не по себе. Если Виктору хуже, значит, сейчас начнутся жесткие меры с нами. У меня еще нет четкого плана. Есть только острый карандаш.

Я сжал теплые ладони Ивана и выдохнул:

– «Не переживай, дяде Вите помогут, и станет лучше. Послушай, друг, помнишь, ты относил Лизе записку?»

Ваня кивнул, поглядывая на свои руки.

«Мне нужна бумага. Какие-то чистые листы или части листов. Сможешь достать?»

– «Да, смогу. Я знаю, где много листов».

– «Принеси, пожалуйста, мне. Только чтобы никто не видел, что ты делаешь. Хорошо?»

Иван снова кивнул и помчался по коридору.

Он вернулся быстро. Старательно вытаскивая из-за пазухи пачку листов, парень улыбнулся и протянул бумагу через решетку. Я даже не успел подняться с кровати, пришлось скорее подойти, пряча гримасы от боли, чтобы никто не увидел картины с передачей. Но как только я подошел, Ваня су-

нул руку в карман и вытащил еще один сюрприз – ключ.

– «Что это?» – удивился я, опасливо поглядывая по сторонам коридора.

– «Ключ от этой двери», – довольно пояснил Иван.

– «Как ты его достал?»

– «Все ушли к дяде Вите, никого нет. Я запомнил, как выглядит твой ключ и увидел такой в коробке на стене, на гвоздике, там замок не закрыли».

Я понял, что в суматохе с приступом Виктора, все убежали к нему, а Ваня воспользовался ситуацией. Но неужели Иван принес именно мой ключ? Как он мог запомнить резьбу?

А если ключ подойдет? Что делать? Как распорядиться драгоценным временем? Я же не собрал теплые вещи, и план рыхлый. Может, решиться?

Быстрым движением я убрал ключ с раскрытой ладони Ивана и поблагодарил его, заставив поскорее уйти, чтобы никто не заподозрил парня, и не последовало наказание.

Когда я остался один, начал размышлять, куда деть бумажные листы. Пробежав глазами по камере, не нашел ничего лучше, чем свернуть листы в тугую трубочку и спрятать за кирпич у ножки кровати. Как-то после очередной процедуры я лежал на полу и от боли ковырял ногтями стену, случайно вытащив кирпич и обнаружив за ним нишу. Трубочка как раз туда вошла.

После я подошел к решетке, вставил ключ в скважину и

замер, когда раздался щелчок. Отворив дверь, поглядел по сторонам и направился в корпус Лизы.

Уже не раз Иван удивлял меня, но в этот раз удивил особенно.

Пробираясь по коридорам, я молился – только бы никого не встретить, чтобы побег удался. Но мне встречались лишь стонущие люди в камерах.

В одном из открытых кабинетов я заметил верхнюю одежду: небрежно наброшенные на спинки стульев куртки. Прихватив две – себе и Лизе, я ускорил шаг, накидывая одну куртку по пути. От волнения меня всего трясло, но я заставил себя собраться. Торопливо сунув руку в чужой карман, обнаружил телефон. Вот так удача! Сразу все, о чем мечтал. По дороге удостоверился в рабочем состоянии аппарата. Значит, это тот самый шанс, и все правильно.

Наконец я завернул в корпус Лизы. Она удивится моему такому виду, а мужская куртка будет ей как пальто, ну и пусть, так ведь теплее. Зато мы будем свободны, мы выберемся отсюда. Выберемся. Звонить будем на улице, здесь плохо ловит связь. Скорее, только скорее, пока остальные не очухались.

Впереди показалась камера Лизы, я подскочил к ней, забыв о своем болящем и слабом состоянии, и увидел пустую кровать. Оглядев камеру, я растерянно обернулся. Ее нет. Лизы нет. Что мне делать? Так, соображай... Соображай.

Пройдя дальше по коридору, я заметил в камере женщи-

ну, она видела, как Лизу увезли на кресле два медика. На мой вопрос про кресло, женщина ответила, что Лиза очень слабая, она даже сидела, низко свесив голову.

Я был в ступоре, и совершенно не знал, как поступить. Подумав, решил не терять времени и позвонить Славику. Пришлось вернуться в комнату, где я взял вещи, потому что только там все более изолированно, и рядом не было камер и кабинетов.

Набрав номер, я жадно прислушался к гудку.

– Слушаю! – раздался голос Славика.

– Славка! Славка, ты слышишь?

– Алло! Кто это?

– Это я, Дима! Слышишь? Дима Рыжов!

– Димон! – вдруг радостно воскликнул мой друг. – Совсем потерялись, где вы? Как вы?

– Послушай, Славик, нам нужна помощь, – постарался успокоиться я, чтобы нормально объяснить ситуацию. – Это серьезно.

– Что? Где вы?

– Мы с Лизой попали в страшную историю. Мы... – На этих словах сильный удар по затылку отключил мое сознание.

Глава десятая

– Если бы не его протокол, убил бы этого ходока! – сокрушался кто-то. – Ни один пациент за всю историю себя так не вел.

– Да, мне он тоже потрепал нервы, – согласился другой. – Скорее бы его история закончилась. Внесем его в ликвидацию и заживем спокойно.

Я приоткрыл глаза. Белый потолок, кафель, запах спирта и марганцовки.

Что произошло? Где я? Где Лиза?

– Очнулся ваш рецидивист, – махнул на меня человек в белом халате, закрывая колесико системы. – И блок на сегодня закончен, можете забирать.

Меня подняли и перетащили на кресло. После я понял, почему. Мое тело онемело, наверное, это лекарственная месть за мой побег. Хотя, может быть, пришел конец моего существования. Я устал.

Я, правда, очень устал.

– Спать хочется, – вяло произнес мой язык.

– Может, отпустим его, а, Степан? – усмехнулся накаченный охранник. Однажды он уже бил меня дубинкой, когда нашел в подсобном помещении между стеллажами. – С лестницы, а? Пусть полетает.

– Пошли, Ефимыч! – сморщился Степан, разворачивая

коляску в коридор. – Сергеич потом с тебя кожу снимет и сумочку дочери сошьет. Не трогай протокольных, с огнем играешь.

Меня везли долго, отпуская шуточки и угрозы в мой адрес. Но мне было все равно. Почему-то. Куда-то делась тяга к жизни, пропало желание что-то изменить и вообще, очень хотелось спать.

Возле моей камеры коляску остановили, и меня как мешок забросили на кровать. Тело я по-прежнему не чувствовал, не имел сил, чтобы изменить неудобную позу, хотел спать, но не мог. Перед глазами кружился пол с потолком, мимо летали лысые головы с паучьими лапками и пищали разными голосами, оставляя после себя шлейфы крови и раскрашивая мою комнату в красный.

Очнулся я от стука по решеткам. Дверь открылась, впуская целую делегацию во главе с Виктором. Он кивнул в мою сторону, и двое мужчин присели у моих ног, чем-то гремя и позвякивая. Через минуту на моих распухших щиколотках появились железные кандалы, соединенные короткой толстой цепью.

– Держать тебя на успокаивающих медикаментах я не могу, – равнодушно произнес Виктор. – Поэтому теперь так.

Дав пару заданий лаборантам, мужчина развернулся на выход, за ним потянулись остальные.

– Что с Лизой? – попытался узнать я вслед. – Ее не было в камере.

Виктор вышел за решетку и устало ответил:

– Она выполняет свою работу.

Сколько мне пришлось пролежать в странном расслабленном состоянии, неизвестно. Я приходил в себя и снова засыпал. В перерывах были слышны голоса, вроде как лаборантов, гремела моя цепь, пищали головы, плавали стены. Потом мое сознание стало более четче, я помню, как меня возили в белый кабинет, подключали к катетеру трубки, помню запах крови и почему-то ее вкус во рту.

Дни закружились, мелькая и превращаясь в один сплошной. Я перестал ходить. Не знаю почему. Просто забыл, как двигать ногами. Зачем повесили эти кандалы, с ними еще тяжелее. Неужели они думают, что я притворяюсь. Мне прокалывали позвоночник, может, поэтому тело плохо слушалось. Но со временем я смог ползать, и иногда удавалось вставать на колени и так добираться до туалетного отверстия в полу.

Я научился плакать. Теперь это было не стыдно. Лежишь себе на полу, не в силах забраться на кровать, и жалеешь себя. Жалеешь ускользящую жизнь, свои мечты и где-то там существующую мелкую сестренку. Она хоть и далеко, но близко, в одном помещении. Только в каком состоянии? Жива ли...

Как-то мне не удалось забраться на кровать с первого раза, я упал, больно ударив распухшие локти. Полежав немного и отдышавшись, начал снова подниматься, и тут мой взгляд остановился на кирпиче в стене, за которым я спрятал ли-

сты, там же был спрятан карандаш. Добравшись до стены, прислушался, не идет ли кто по коридору, затем тихонько вытащил кирпич, достал листы с карандашом и написал Лизе записку. Ваня ведь придет еще, он согласится передать, он добрый.

Просидев некоторое время у стены с листами в руках, я решил написать что-то вроде послания тому, кто будет здесь после меня. Да... Словно завещание по старости. Даже смешно, ведь мне только двадцать. Наверное.

Меня увлек процесс послания, я описывал все, начиная с детского дома и заканчивая сегодняшним днем. Я занимался этим все свободное время, каждый раз пряча свою драгоценность за кирпич, когда меня увозили в белый кабинет. А после, отлежавшись, снова спускался с кровати и принимался за дело.

Иван появился через долгое время. Сказал, что ездил с братом домой, наверное, у Гриши было что-то вроде отпуска. Я передал своему другу записку, и он вернулся с сообщением, что Лиза все прочла и улыбнулась, хотя почти не встает и давно не улыбается. И еще Ваня сказал, что она вся в синяках. Эта новость меня очень расстроила. Я плакал ночью в подушку и скреб сломанными ногтями о кирпичную стену. Хотелось стукнуть кулаком, но резкие движения мне уже давно не удавались из-за распухших воспаленных локтей. Я беспомощен. Когда-то клялся Лизе, что буду защищать ее до смерти, но теперь лежу на грязном холодном полу, а она где-

то там, и я даже не знаю, что с ней происходит.

С каждым днем мое положение становилось хуже. Все чаще я попадал в белую комнату, все чаще возвращался почти в бессознательном состоянии, после, конечно, приходил в себя, но раньше такого не было. Порой, я путал реальность с глюками, которые ловил долгое время после возвращения в камеру, и тогда становилось страшно.

«Если бы не твоя башка, Вениамин Романович не посмотрел бы в твою сторону», – бросил мне как-то лаборант. Это было тогда, когда мои показатели сильно ползли вниз, и я бесил всех медиков. Моя воспитательница говорила, что у меня какой-то другой ум, поэтому пускала в свой кабинет и в библиотеку, где я проглатывал книги разных направлений: от сказок до научных трудов.

Помню, когда нас с Лизой привезли сюда, ее назвали штаммом, а меня – анти-штаммом. Она подошла по параметрам, а я не очень. После многих процедур мое тело совсем перестало радовать медиков, они всячески высказывали свое недоумение, пока дядя Веня не нашел во мне что-то иное, и это сделало мою дальнейшую жизнь.

Меня превратили в ничто. Взяв почти все, что можно. Сам удивляюсь своей стойкости, как много способен выдержать человек.

Не один раз я желал себе смерти. Искренне. Но она не хотела меня.

Много раз воспарял духом, желая выбраться из этого ада.

Во что бы то ни стало. Я был готов к преступлению. Меня страшило это, но только поначалу. Потом привыкаешь.

Привыкаешь ко всему: к боли, к унижению, к одиночеству. К желанию смерти. Но продолжаешь жить.

При моем росте метр девяносто два теперь я вешу сорок семь килограмм. Ползаю на коленях по камере, если сильно нужно, но это доставляет мне муки, потому что колени и локти сильно распухли и любое нажатие или движение причиняет нестерпимую боль. Но я не хочу «ходить под себя», а туалетное отверстие находится в конце стены. И тайник с бумагой и карандашом располагается в стене ближе к полу за кроватью. Так что ползать мне приходится. И очень сильно терпеть.

И вот он я – истощенное лысое существо, путающее реальность с видениями, ползающее и плачущее одновременно, блюющее в ведро и стонущее ночами. Я – Дмитрий Рыжов, некогда мечтавший о нормальной человеческой жизни. Подопытный материал. Служащий «на благо» другим. Никто. Собирающий грязной пижамой пыль на полу камеры.

Помог ли я кому-нибудь? Или все было зря?

– Фантомас, принимай соседей! – раздалось где-то рядом.

– Два сапога пара, – хохотнул хриплый голос.

Я приподнял голову и увидел охранников с инвалидным креслом, они гремели замком камеры рядом, которая отделялась от моей не кирпичной стеной, а решеткой.

Люди с дубинками завезли кресло внутрь и вывалили тело

на кровать, затем, усмехаясь, захлопнули дверь и удалились.

Я долго смотрел рассеянным зрением на пятно человека, который лежал неподвижно, впрочем, повторяя меня. После очередной поездки в белую комнату, мне было плохо и нужно время, чтобы отпустило. Я отключался и снова приходил в себя, пока наконец не ощутил реальность более четко.

Человек в соседней камере продолжал лежать неподвижно, что насторожило: жив ли он вообще. С трудом спустившись, я подполз в решетке и позвал его. В ответ последовала тишина. Пришлось напрягать свое зрение, которое теперь редко выдавало картинку сразу. Всмотревшись, я обомлел. Нет... Не может быть... На койке напротив лежала Лиза.

Стоп. Это глюк. Там лежит человек, а мое воображение издевается. Сколько раз такое было, нет-нет, сейчас пройдет.

Но сколько бы я не всматривался, Лиза не исчезала.

Лиза... Моя мелкая сестренка. Это правда ты?

– Лиза, – осторожно позвал я, боясь подтверждения своего психического глюка. – Лиза, это ты?

Человек не шевелился, и меня это напрягло. Я придвинулся к прутьям как можно ближе и спросил громче:

– Кто там? Кто это? Ответьте, вы живы?

Вдруг сгорбленная фигура медленно перевернулась, и я узнал лицо, которое мечтал увидеть все эти месяцы.

– Митя, – тихо произнесла Лиза.

Я знал, что она улыбнулась, хоть и плохо видел. Я выучил все ее интонации еще в детском возрасте.

От знакомого голоса мое сердце замерло, заколотившись после сумасшедшей тахикардией, отчего бросило в жар.

Боже мой... Это она. Я ведь слышал ее, это не видение.

Схватившись рукой за пижаму на груди, я покачал головой и заплакал.

– Сестренка... Это правда ты?

– Митя... – повторила она, пытаясь подняться. – Митя...

С трудом встав на ноги, Лиза добралась до решетки и опустилась передо мной на пол. Наши руки потянулись друг к другу, переплетая пальцы, и стало так тепло.

Я смотрел на свою мелкую детдомовскую сестренку, на абсолютно родного мне человека, забыв о боли. Лиза очень похудела, изменилась, но это была она. И сейчас рядом.

– Почему ты вся в синяках? Тебя били?

– Нет, – Лиза покачала головой, вытирая капли слез с подбородка. – Это от процедур. Изменение крови.

– А я изменился, да? Знаю.

– Да. Я тебя не узнала. Таких, как ты, много в камерах.

– Я рад тебя видеть. Господи, как я рад...

Мы еще долго сидели, держась за руки через решетки, рассказывая о себе полусшепотом, и я был очень благодарен, что никто в этот момент не нарушил кусочек нашего счастья.

А это было счастьем. Посреди грязи камер, посреди боли и потери сил. Потом уже начнутся вопросы и размышления: почему Лизу перевели в мой корпус, зачем определили в соседнюю камеру и означает ли это завершение ее полезности.

Что и радостно и страшно одновременно. Потому что мы не знаем, какая участь у выработанных людей.

Когда речь заходила о вытяжке, Лиза вся сжималась и замолкала, словно впадала в ступор. Процедура причиняла ей много боли, это становилось заметно, когда за ней приезжали. После ее привозили в заторможенном состоянии и бросали на кровать, где она лежала в позе эмбриона и не реагировала ни на что.

Однажды я увидел на спине Лизы красные разводы, это был день, когда меня три дня не трогали, а ее только привезли. Мое зрение позволило видеть далеко, наверное, сказалось отсутствие вмешательств в организм.

Я долго разглядывал через решетку пижаму Лизы на спине, ожидая, когда моя бедная сестренка очнется. А когда это случилось, заговорил:

– У тебя красные разводы по спине, что это? Тебя бьют?

Лиза перевернулась ко мне лицом и покачала головой:

– Нет. Наверное, следы от пункций.

– Что? Тебе делают пункции?? – возмутился я.

– Это часть процедуры вытяжки.

Мне стало плохо от такой новости, ведь до сих пор Лиза отказывалась говорить об этом.

– Они что-то берут из твоего спинного мозга? – настороженно спросил я.

– И не только из спины. Раз в неделю прокалывают живот, суют длинные трубки и... как из спины... – Лиза закрыла

лицо трясущейся бледной ладошкой, чтобы я не увидел, как она плачет. Стесняется слез до сих пор.

– Это и есть вытяжка? – тяжело сглотнул я, понимая, что такая процедура не даст прожить долго.

Незаметно вытерев слезы, Лиза кивнула:

– Они накачивают меня каким-то препаратом, потом еще что-то колют и ждут «микса», это они так говорят. После этого везут в круглую трубу, включают ее и оставляют меня в ней. Через время вытягивают из моего организма «суп» и применяют для лечения. «Суп» достают из спинного мозга или из забрюшинного пространства.

– Боже... Это... Это же ужасно... – не выдержал я, хотя готовил себя не произносить ничего подобного, ведь сестренке от таких эмоций легче не станет.

Лиза молчала и смотрела на меня большими светлыми глазами, но такими уставшими и пустыми, что стало не по себе.

Какие муки приходилось испытывать этой худенькой хрупкой девочке. Невыносимые. Несовместимые с психикой нормального человека. Но она до сих пор остается собой и даже иногда улыбается мне.

Лиза почти не ходит, все время лежит и тяжело дышит, ее тело стало прозрачным, а по коже рассыпаны синие пятна. Она очень похудела и даже изменилась внешне, и еще она потеряла половину своих светлых роскошных волос, которые я так любил. Теперь это тонкие редкие прядки, едва

достающие до плеч.

Когда нам нужно было ощущать друг друга, потому что не было сил даже говорить, мы просто подползали к решетке, брались за руки и оставались так лежать, глядя друг на друга или просто закрыв глаза. Душа человека нуждается в тепле любви, в каких бы условиях не было тело. И еще – в надежде. Когда можно до последнего вздоха цепляться за эту ниточку – можно жить. А когда ты умираешь, умирает и надежда.

Я рад, что Лиза снова рядом. Только видеть, как она мучается после возвращения в камеру, как оказалось, был не готов. Разве это можно выдержать? Какое должно быть сердце, чтобы причинять зверские муки маленькому невинному человечку? Прокалывать его тело, выворачивать наизнанку, медленно убивать... Смотреть, как он ползает и плачет от боли, потому что уже не в силах ходить. Отшвыривать ботинком пучки волос на полу, падающие с его головы и насмеяться над тем, как его рвет в грязное ведро. Такое может делать человек, которого родила и вырастила женщина, а не какое-то чудовище?

Даже за деньги.

Даже во благо других.

Говорят, из детдома выходят не лучшие люди. Это говорят те, кто не был там, где мы сейчас находимся. Наверное, сюда принимают по особым достижениям: жестокость, отсутствие любви и абсолютная безжалостность. И мне, жалезу паука, скатившегося в раковину, и не имеющему ре-

шимости убить его, видеть пытки здешнего места слишком тяжело. Иногда кажется, что половина «успеха» моего критического состояния принадлежит среде, в которой я пребываю. Остальное сделали экспериментальные пробы.

Время шло. Я мучился от того, что не придумал ничего для нашего спасения. Вина предателя повисла на моей шее тугой веревкой с тяжелым камнем. Но теперь, в таком состоянии нас обоих, что я мог сделать? Мы уже ни на что не способны.

Неужели это конец? Так ведь не может быть. У меня ведь есть надежда, а значит, есть время жить.

Мой друг Иван теперь приходил к нам обоим. Бывало, подкрадется в момент, когда мы лежим у решетки и держимся за руки, опустится на корточки и тихо сидит. Если заметишь его, он радуется, вскакивает и вставляет лицо между прутьев, но все на что я способен в такой момент – махнуть ему рукой.

– Митя, мы умрем? – тихо спросила однажды Лиза, держа меня за руку.

Лежа у решетки и ощущая невесомую ладонь своей детдомовской сестренки, я был где-то счастлив: мы вместе, лежим в покое, никто не дергает, ничего не прокалывает, не мучает. Даже в таком положении можно найти моменты счастья, да. Это странно, но так устроена душа человеческая, ей необходимо обрести домик для радости, а иначе она не может.

– Нет, мы не умрем. Ничто не исчезает в никуда, все остается, только в измененном виде. И знаешь что, этот вид лучше предыдущего.

– Откуда ты знаешь?

– Бабушка так говорила. Она верила в Бога. В то, что есть душа, что она бессмертная.

– А ты? – Лиза приподняла голову, заглянув в мои глаза.

– Я верю, что там что-то есть. Верю, что у тебя и меня есть душа и она бессмертная, маленькая и очень красивая. Такая светлая вся...

Лиза улыбнулась и снова опустила голову на руку, а я вспомнил похороны матери и отца, а потом смерть детдомовского Женьки, у него было больное сердце, и это свело мальчишку в гроб, когда ему было двенадцать. Мне было десять, я стоял, смотрел на Женьку в деревянном ящике и не понимал, куда денется то, чем он думал и чувствовал, чем смеялся и сочинял свои потрясающие стихи. Тело скроет земля, его можно закопать, а как закопать мысли, эмоции, память? Я верил, что от нас остается что-то особенное, что-то невидимое для нашего глаза, и это что-то – свободное. Потому что границ больше нет.

– Может быть, нас найдут? – глухо отозвалась Лиза. – Ты же дозвонился Славе, а он вдруг поймет, что нас нужно спасти.

– Мне бы еще раз позвонить, – тихо сказал я, поглядывая на Ивана, замершего у решетки в коридоре. – Объяснить си-

туаацию. Славик же не ясновидящий. Мало ли, что я сказал... Но теперь это невозможно.

– Почему невозможно?

Я громыхнул кандалами на ногах.

– Вот почему. И вообще, у меня теперь нет ног, да и сил тоже нет.

– Я не об этом. – Лиза посмотрела на меня и кивнула на Ивана. – У тебя есть друг, попроси его.

Я обернулся на Ваню и спросил:

– «Ты можешь принести телефон? Мне очень нужно позвонить».

Иван задумался, после чего покачал головой:

– «Теперь все телефоны лежат в кабинете дяди Вити. После того, как ты разговаривал тогда, он ходил злой, а потом сказал, что будет новый закон. Мне не разрешат вынести телефон».

Я сник. Значит, все. У меня больше нет вариантов. Мы с Лизой передвигаемся на коленях, нас даже толкать не надо, достаточно быстро пройти мимо, как обоих сдует волной. Так уже было.

Значит, все. Это все...

Жуткое кольцо отчаяния сжало мое горло, я схватился за пижаму на груди и судорожно вдохнул.

– Митя! Что с тобой?

Так... Спокойно. Только не отчаиваться. Душно. Как душно... Почему мне не хватает воздуха? Воздуха...

– Митя! Слышишь меня? Ты что? Что с тобой?

Откройте окна... Откройте! Дышать... Мне нужен воздух... Воздух! Помогите! Помог...

Мне снился бабушкин пирог

И моя мягкая кровать,

Где спал я столько, сколько б мог,

Если позволили бы спать...

– Куда это мясо? – спросил грубый голос. – На утиль?

– Нет. Сергеич запретил без его подписи трогать Рыжова.

Кинем в клетку, пусть сам разбирается с этим припадочным.

– Нашел мясо! Его даже собаки обидятся глотать.

– Ой, Ефимыч, давай работай. Хорош курить, а то премию снимут за нарушение.

– Ему че, эпилепсию поставили? А кандалы? Пристегивать?

– Да куда он денется, это же труп. Хотя, давай, возвращай их на ноги, от греха подальше. И поехали.

Меня долго везли, больно сотрясая тело на металлических носилках. Я проваливался в забытие, видел бабушку и наш дом, где мне хотелось лечь на мягкую кровать, на мою кровать. Просто я так устал. И очень хотел спать. Очень хотел.

– Выгружай, – раздался голос, и меня вытряхнули, словно мусорный половик с балкона. – Ефимыч, проверь замки и пошли на обед, жрать охота.

Когда все успокоилось, послышался тихий голос:

– Митя... Мить, слышишь? Не пугай меня, ответь...

Это Лиза. Она что, плачет?

– Лиза... Я слышу тебя, просто сильно хочу спать. А бабушка уже ушла?

Через минуту тишины раздался всхлип:

– Мить, какая бабушка?

– Ну моя, – ответил я, продолжая лежать с закрытыми глазами в той позе, в какой меня сбросили. – Моя бабушка. Она постелила мягкую постель в мою кровать и испекла пирог.

– Нет здесь бабушки, Митя. Только я и ты, – срывающимся голосом произнесла Лиза.

– А почему ты плачешь? Я же слышу, точно плачешь.

– Посмотри на меня. Пожалуйста, посмотри.

– Прости, так хочу спать, даже глаза не получается открыть.

Еще некоторое время я боролся со странным желанием спать, а затем провалился в темноту.

Глава одиннадцатая

– Так, это у нас Елизавета Белова. Покажите протокол. Угу... Понятно. На этой неделе усилить, через день.

– Выдержит?

– Следите! Вы для чего здесь? Должна выдержать. По крайней мере, Виктор Сергеевич должен подняться на ноги.

– А с этим что?

– Рыжов... Так, угу... Ну, печально. Печально. Но пока оставьте, я с ним еще смогу поработать. Думаю, на пару-тройку раз его хватит.

Где я? Это сон? Нет... Это же...

Открыв глаза, я оглядел темный зеленый потолок и попытался пошевелиться. Удалось. Повернув голову, я поискал взглядом Лизу и позвал ее.

– Митя! – шепотом выкрикнула моя сестренка и подползла к решетке, протягивая руку. – Я думала ты...

– Нет, – мне пришлось улыбнуться. – Я с тобой.

– Ты можешь слезть?

Я попробовал и понял, что могу одолеть путь с кровати до решетки и спустился, подползая и стараясь не греметь кандалами на ногах.

– Лиза!

От глаз сестренки, мне стало так тепло, так хорошо, словно нет этих грязных вонючих от мочи и рвоты камер. Словно

мы совсем не под землей, а на зеленом лугу, залитом солнцем.

Я схватился за бледную ладошку и вдруг не выдержал и разрыдался:

– Прости меня... Прости...

Лиза испуганно смотрела, не понимая.

– Митя, ты что?

– Я не вытащил нас... Я не смог... Это ужасно. Я передал тебя...

– Успокойся, пожалуйста. Дай руки, все, перестань.

– Я слышал этот разговор. О тебе и обо мне... Прости меня...

Лиза прижалась щекой к моим пальцам и запела какую-то песенку про солнце.

– Как хочется увидеть солнце, – прошептала она. – Такое теплое и большое. Его света хватает всем, потому что солнце это мама.

После этих слов Лиза закашлялась, очень сильно, и ее вырвало с кровью, а потом она стала задыхаться. Я дополз до двери так быстро, как смог, и застучал кандалами по прутьям:

– Помогите! Кто-нибудь помогите!

Лизу увезли на кресле и после долго не привозили. У меня сдавали нервы, что случилось? Почему ничего не происходит. Иногда бездействие и тишина убивают.

По приглушенному свету в коридоре я понял, что насту-

пила ночь. Ни о каком сне речи быть не могло, мне плохо, мне нужна моя сестренка. Хоть не здоровая, но обязательно живая. Я не вынесу другого.

Утро длилось очень медленно, словно издеваясь надо мной. Прислушиваясь к любым звукам в конце коридора, я с надеждой застывал, ожидая звук коляски или носилок. Пусть даже бы ехали за мной, ведь движение в сторону моей камеры дало бы проблеск надежды. Но все было мимо. Я с тоской поглядывал на пустую кровать в соседней камере. Как это тяжело... Вот так сидеть и ждать, какая новость придет первая: о жизни или о смерти.

Вдруг в коридоре послышался грохот, и появились носилки, наверное, такие же, на каких привезли меня. С облегчением я увидел Лизу, пусть в таком состоянии, но живую, ведь умерших сразу везут в подвал.

Лизу переложили на кровать, захлопнули дверь и удалились. Потянулись минуты тишины, после чего моя сестренка смогла говорить. Как оказалось, у нее развилась ХОБЛ, хроническая обструктивная болезнь легких, которую якобы спровоцировало наше лежание на холодном полу. А о том, что перенесла эта бедная девочка, в «пользу» такой болезни, конечно, умолчали.

Лиза теперь стала дышать еще тяжелее, часто задыхалась, но ей выдали баллончик, который облегчал приступ. И однажды ее увезли в белую комнату, посчитав пригодной для мук. А когда привезли, она была как под воздействием нар-

коза, а может, и наркотиков. Кисть ее руки свисала на металлическую ножку кровати и временами подергивалась, постукивая медицинским браслетом. Я замер возле решетки, вставив лицо между прутьями, как Иван, наблюдая за состоянием Лизы. Кисть и ступни продолжали вздрагивать, наверное, это были мелкие судороги. Потом звяканье браслета стало почти постоянным, ритмичным, словно отстукивание азбуки Морзе. Я слушал это долго, как вдруг поймал мысль, которая завладела мной и моим разумом, словно девятый вал.

После того, как Лиза пришла в себя, она приползла ко мне и протянула руку через прутья. Я заранее притащил одеяло со своей кровати, просунул через решетку на другую сторону и заставил Лизу забраться на него, чтобы лежать не на полу, а после шепотом поведал о внезапной идее:

– Послушай, когда ты лежала, твоя рука вздрагивала, постукивая браслетом по ножке кровати. Это навело меня на мысль об азбуке Морзе.

– И как она нам поможет?

– Я попрошу Ваню набрать номер на любом работающем телефоне и несколько раз простучать в трубку сигнал «sos».

Лиза подняла голову.

– Чей номер?

– Пока не решил. Либо Славкин, либо сразу на номер полиции.

– Слава поймет? Он знает азбуку?

– Знает, мы использовали ее в играх. Но вот поймет ли...

– Может, лучше в полицию? – тихо предложила Лиза, сжимая мою ладонь.

– Боюсь, что у Вани не будет больше, чем один звонок. Мне бы сигналу его научить, а о звонке подумаю по ходу дела.

Ожидая Ивана, я продолжал писать на листах почти каждый день. Карандаш за это время много раз стачивался, приходилось отгрызать деревяшку на нем, чтобы обнажить грифель, но скоро это делать оказалось неудобно, потому что карандаш стал коротким, как мизинец Лизы. И я экономил, писал реже.

Иногда меня били приступы эпилепсии, и когда я приходил в себя, видел заплаканную Лизу. В такие моменты ей становилось страшно. Я сплевывал кровавую слюну от прокусанного языка и не понимал, как еще не захлебнулся пеной, ведь в приступ меня некому было повернуть набок.

Нам с Лизой становилось все хуже, а Иван не появлялся. Я держался из последних сил, поддерживая свою поникшую сестренку и делая вид, что все не так плохо, но добираться с кровати до решетки для меня становилось сродни пытке.

Однажды Ваня тихонько подошел к двери моей камеры и стоял, пока мы его не заметили. Я так обрадовался ему, что даже забыл о состоянии и пополз к прутьям. Протянув руку, сжал теплую ладонь парня и улыбнулся:

– «Привет, друг. Тебя долго не было, мы ждали. Как твои дела?»

– «Я болел, мне делали уколы вот сюда». – Иван ткнул на сгиб локтя.

– «Тебе уже лучше? Уколы еще делают?»

– «Уже не делают. Я выздоровел».

– «Это очень хорошо. У меня к тебе серьезная просьба.

Поможешь?»

Иван смотрел на меня круглыми светлыми глазами, сжимаемая губы, будто в его голове зрели решения и ответы.

– «Да. У тебя холодные руки. Раньше были теплые», – задумчиво произнес он.

– «Просто мы с Лизой тоже болеем, и нам нужна помощь. А помочь можешь только ты, потому что другие будут бить».

Я постарался объяснить Ване, что от него хочу и попробовал в виде игры подать сигнал «sos». К моему удивлению, парень быстро запомнил и сообразил, как это делается. Дав ему кусочек бумаги с номерами Славы и полиции, я пояснил, что лучше набрать оба номера, но как получится, и напутствовал его:

– «Не забудь: три точки, три тире, три точки», – показав это снова, отстучав на его ладони.

Ваня кивнул, спрятал огрызок с номерами в рукав и торопливо ушел по коридору.

– Господи... – прошептал я, собирая последние силы для возвращения к решетке с Лизой, – хоть бы у него получилось.

Глава двенадцатая

Наступили дни ожидания. Они тянулись медленно и тяжело, как нуга из откусанного замерзшего батончика. Я ждал. Я боялся плохого исхода, когда Ваню перехватят на звонке, накажут, а потом накажут и меня. Но больше всего боялся, что это наш последний шанс, и он не выстрелит. Тогда нас очень скоро отвезут в подвал на утиль. Потому что долго мы не выдержим.

Лиза после каждого возвращения была невменяемой, и требовался долгий период, чтобы она пришла в себя и начала разговаривать. А я снова стал плохо видеть, наверное, сказались последствия эпилепсии, которая началась у меня недавно. Я так же ползал по камере, скребя кандалами по полу, ведь их так никто и не снял. Просто никому не было дела до лысого, тощего и больного человека, коих в этом заведении полно. Мне кажется, с меня уже нечего было взять, но лаборанты находили и возвращали в камеру в состоянии психической прострации, от которой я отходил тоже долго.

Когда нас никто не трогал, мы с Лизой ложились у разделяющей наши камеры решетки, держась за руки, и вспоминали детский дом. Особенно праздник нового года. Это всегда проходило весело и было временем счастья. Мандарины... Как я любил этот запах! А вместе с ароматом шоколадных конфет это становилось потрясающим, и это был за-

пах нового года. А однажды нам подарили настоящую елку, какой-то спонсор привез к празднику. И тогда мое счастье стало полным. Я держал Лизу за руку, когда мы подходили к елке очень близко и нюхали запах хвои, а потом незаметно подбирал опавшие иголки и прятал их в карман. И после, когда звучал отбой, смотрел на это сокровище в ладони, спрятав от других под одеялом, а хвоя от тепла ладони начинала пахнуть сильнее, делая мою ночь волшебной.

В детском доме было хорошо. Да, теперь мы это поняли. Как бы там ни было, нас любили. Пусть скупое, иногда сухое, но нам перепали объятия воспитательницы и кухарки Нины, которая готовила вкусный яблочный пирог, называя его смешным словом «шарлотка».

– Давай быстрее! Что ты там возишься? – крикнул раздраженный голос в конце коридора, и я вскинул голову, настороженно прислушиваясь, не надеясь на зрение. Двое охранников торопливо подвезли к нашей камере кресло, которое норовило сложиться из-за сломанного крепления, и открыли замок двери Лизы. Ее погрузили в кресло, вырвав тонкую руку из моей ладони, и быстро увезли.

Мне стало тревожно. словно что-то произошло. Я подполз к кровати и долго прислушивался к звукам, затем вытащил кирпич, достал смятые чистые листы с огрызком карандаша и принялся писать. Может быть, на нервной почве, не знаю. Исписанный лист сворачивал в трубочку и проталкивал к остальным, за все время их накопилось много.

Мне кажется, это последняя запись. Хорошо это или плохо, еще непонятно. Просто какое-то предчувствие.

Потом я долго ждал еще, пока Лизу не привезли. Она лежала на кровати в неудобной позе и не откликалась. Мне было страшно, почему ее так странно увезли, словно торопясь, обычно проходит два дня между этим. А забирали ее вчера. Потом приехали за мной. Ругаясь и споря о каких-то местах и назначениях, охранники везли меня в лабораторию, где посадили на такой же аппарат, на каком мы были с дядей Веней. К моему катетеру подвели шланги, протянули их к ящику, за которым находился Виктор Сергеевич. С его стороны от ящика тянулись шланги, которые входили в его руку, а по шлангам текла розовая жидкость. Я не разглядел лица Виктора Сергеевича, но по его дыханию и разговору понял, что ему плохо.

Через время стало плохо и мне. Я потерял сознание, когда очнулся, по лаборатории бегали люди, в суматохе на меня не обращали внимания, и я выдернул шланг из катетера и скатился с кресла на пол. Очнулся, когда меня перекидывали на кровать в камере, но после снова потерял сознание.

– Митя, – позвала Лиза. – Ты слышишь? Пожалуйста, ответь что-нибудь, я боюсь.

Мне пришлось напрячься, чтобы сконцентрироваться и понять, куда нужно посмотреть. Когда я понял, где нахожусь, и с какой стороны звучит голос, повернулся, долго лоя изображение.

– Я плохо вижу. Но слышу тебя. Как ты?

Лиза всхлипнула:

– Митя, мне страшно.

– Не бойся, сестренка, мы выдержим.

– Не оставляй меня так надолго, – тихо произнесла она. –

Давай будем держаться за руки?

– Давай. Только надо спуститься. Подождешь?

– Да, мне тоже нужно.

Я понял, что движение вызывает у меня сильное головокружение и тошноту, но старался не думать об этом. Предметы расплывались перед глазами, словно в них налили вазелина. Ну хотя бы не бегают пищащие головы с паучьими лапками.

Если честно, было такое ощущение, что больше нет сил. Вообще. И добраться до решетки с Лизой мне не удастся. Цепляясь пальцами с воспаленными суставами за постель и за ножки кровати, я пытался скинуть себя на пол, но боль в руках была очень сильная, и ничего не получалось. Промучившись какое-то время, я начал сдаваться, но плач Лизы освежил меня, потому что это означало что-то серьезное.

– Митя... Пожалуйста, не оставайся там.

– Сейчас, сейчас... Я доберусь, обещаю... Я смогу, просто что-то голова кружится. Как же я оставлю тебя? Нет, так не может быть...

Спокойно. Не паниковать. Вдох. Выдох. Вдох...

Мне удалось перевалиться за край кровати и упасть, тут

же тело пронзила сильная боль, отчего меня вырвало прямо на пол.

– Митя!

– Сейчас... Не бойся, это нормально...

От боли я чуть не потерял сознание, в глазах потемнело, и на секунды пропала ориентация в пространстве. Но плач сестренки заставил двигаться дальше. Не знаю, какими силами, но я пополз, скребя по полу ногтями и железными кандалами.

– Давай руку, – радостно всхлипнула Лиза, крепко вцепившись в мою ладонь ледяными пальцами.

– Какая ты холодная... Замерзла?

– Ага... Все время холодно теперь.

Так мы лежали долго, уставая даже разговаривать, замолкали, а потом снова продолжали.

– Знаешь, почему меня перевели к тебе? – спросила Лиза. – Чтобы мотивировать меня, а то я давала плохие результаты от тебя в дали. Это они так говорили между собой. Последний раз, когда ты сбежал ко мне и пришел... Потом со мной случился приступ депрессии, отчего все показатели ушли в ноль. Я не знаю, что это значит, но им не понравилось. Они не могли понять, что со мной, когда поняли, решили перевести. Но это здорово, правда, Мить?

– Правда. Я не поверил глазам, когда тебя увидел. Хорошо, что мы вместе.

– Холодно очень. Так хочется увидеть солнышко... И во-

обще, весь мир. И жить без боли... И дышать без труда... Как ты думаешь, когда мы умрем, там будет легче?

Я замолчал. Я не хотел умирать, почему-то сейчас не хотел. Может быть, Ваня смог позвонить, а с той стороны поняли его сигнал. Пусть будет так... Пусть будет.

– Митя?

– Да, я просто... Просто задумался.

– О чем?

– О том, как мы заживем, когда выйдем отсюда.

– Я сразу поеду в лес, – задумчиво произнесла Лиза, – возьму бутерброды с колбасой, с такими толстыми кусками колбасы, и лягу на траву жевать.

– Всего? Колбаса? Хм! А я закроюсь в спальне и буду спать, спать, спать.

– А потом?

– А потом есть колбасу!

Мы все говорили. Иногда засыпали, потому что лежали, не шевелясь. Потом просыпались и снова говорили. Наши сны были короткими, минут по пять, не больше, но это очень спасало. Лизу душил сильный кашель, баллончик помогал на время, он всегда лежал в кармане ее пижамы. А я куда-то проваливался, в какую-то темную глубокую яму с липкими стенами, а потом в ужасе приходил в себя. Было реально страшно. После этого у меня немели руки и ноги, словно их не было, я не чувствовал их.

– Мить... Почему так холодно? Так никогда не было. Мо-

жет, на улице зима?

Я не знал, что ответить. Ведь сам перестал ощущать и не понимал, холодные ли руки у Лизы, или холодно в помещении. Я терял чувствительность. Оставался только слух, и было слышно, как тихонько поет моя мелкая детдомовская сестренка:

– Плыви... плыви, кораблик, в далекие края... И где ты будешь плавать... там буду... плавать... я...

– Всем на пол!!! На пол, живо! Стоять! Руки за голову! На пол!

Возле одноэтажного здания в степи остановились спецмашины, СОБР пытался попасть внутрь, но встретил активное сопротивление, после чего было принято решение о подрыве входа и стен, уходящих под землю. При активации раздались взрывы где-то дальше и глубже под землей, отчего произошло частичное обрушение земельных пластов с обнажением глубоких помещений. Люди эвакуированы, оказана реанимационная медицинская помощь. Члены преступной организации, именуемой себя центр «Феникс», взяты под стражу.

В завалах подземных помещений, словно крыша, согнулась плита перекрытия, под которой виднелись две бледные

руки, сцепленные друг с другом через решетку. А по всему полу были разбросаны свернутые в трубочки листы исписанной бумаги.

– Я их вообще не узнал! – потрясенно произнес Слава. – Как можно было довести людей до такого состояния...

– Намучились они там, – покачала головой Рая.

Аленка махнула рукой:

– Я же говорила, они попали куда-то.

– Да откуда мне было знать, что первый раз звонил Димка? Второй раз-то он сам говорил, только оборвалось резко.

– Хорошо, что этот Ваня твой номер снова набрал, вот тебе и отсталый, – дернула бровями Рая.

– Разве это отсталый! – хмыкнул Слава. – Он умнее всех нас. Нормальный пацан, я встречался с ним, только он с сурдопереводчиком общается. Испуганный сильно.

– Он и полиции «sos» отстучал, – заметила Аленка. – А так, тебе бы не поверили, Славка. Пока не сопоставили все факты, наши показания...

– Ну и звонки пробили, – отозвался парень. – Место странное, и нам, и им сигналили оттуда. А это Димон и Лизка.

– Ну что, поехали к ним? – Рая склонила голову, поправив черный платок. – А то цветы не доведем живыми. И наши все уже там, наверное.

Посмотри, Лиза! Солнце встает!

Солнце... Красивое, правда?

Как хорошо дышать, чувствуешь? И так спокойно...

Вдох... Выдох... Вдох...

А боль? Ее нет... Нет боли! Лиза! Ее больше нет!

Лиза? Посмотри на меня! Посмотри. Дай руку, не бойся.

Видишь, мы вместе. Мы вместе. И солнце. Оно наше, смотри.

Смотри... Все это наше! А мы теперь свободны. Мы дома.

И нам уже не больно.

Не больно...

Как хорошо...

Вдох...

Выдох...

Вдох...

Эпилог

Привет. Если вы читаете это, значит, мы уже дома. И нам уже не больно.

Да. Именно так я начинал в своих записках, надеясь, что скоро нас найдут. Так и произошло.

Ваня справился с заданием на отлично. Сигнал получил Слава и дежурная часть полиции. В полицию Иван набирал три раза. Почему он так поступил, я не знаю. Быть может, парень понимал, что делает, он не раз удивлял меня. После звонка Слава пришел в полицию, где все начали раскручивать и соединять факты. Отследили сигнал всех странных звонков на телефон Славы, сигнал исходил из одного и того же места. Три звонка в дежурную часть пришли тоже оттуда. На место подозрительного сигнала выехал специальный человек, проверить обстановку. После чего была установлена слежка. Последняя привела к решению брать объект силовиками.

Когда в бункере узнали об операции захвата извне, Виктор приказал включить газ, через проведенные по всем помещениям корпусов трубы. Это было запланировано преднамеренно, в случае раскрытия их деятельности газ подавался для уничтожения живых улик, то есть нас, пациентов. При чем трубопровод выводился только в корпуса с камерами. В тот момент, когда опергруппа начала подрывную операцию,

уже подавался газ, поэтому сработал взрыв далеко за пределы, отчего подземные перекрытия не выдержали.

Все члены преступной группы медицинского назначения «Феникс» были задержаны. Их деятельность длилась тридцать восемь лет.

На момент подачи газа в камеры нас с Лизой уже покинула жизнь. Мы словно уснули. А проснулись дома. Где нам не было больно. Где были наши родители и моя бабушка. И еще большое теплое солнце.

События восстановили по моим запискам, которые я тщательно вел и сворачивал в трубочки.

Если вы думаете, что у нас несчастливая история – ошибаетесь. Мы счастливы. Вот теперь – да. Наше состояние включало дальнейшее существование нормальных людей. Поэтому переход в другую жизнь был наилучшим событием. Теперь мы знаем – она существует.

Теперь мы дома. И нам не больно.

А самое главное, что так больно больше не будет никому.

От автора: все совпадения с именами и событиями являются случайными